

ТА, КТО ПРИХОДИТ НЕЗВАННОЙ

*Любовь, которая похожа
на солнечный удар.*

ТАТЬЯНА
ТРОНИНА

— Дочери Евы —

Татьяна Трoнина

Та, кто приходит незваной

«ЭКСМО»

2014

Трoнина Т. М.

Та, кто приходит незваной / Т. М. Трoнина — «Эксмо», 2014

Лиля считала себя вполне счастливой женщиной: у нее был любящий муж и маленькая дочь. Лиля не искала приключений и не мечтала о любви на стороне. Однако она внезапно случилась. Словно молния посреди ясного неба, неизбежная, как рок. Вдруг стало очевидно, что все это время женщина жила не своей жизнью, рядом с совершенно чужим человеком. Что же делать теперь? Бросить семью? Позабыть о дочери, просто обожающей папу?.. Не слишком ли высока оказывается расплата за любовь?..

© Трoнина Т. М., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Та, кто приходит незваной. Роман	5
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Татьяна Тренина

Та, кто приходит незваной

Та, кто приходит незваной. Роман

Лиля решила добраться до места встречи на такси. На улице противно – колючий, хлесткий дождь и ледяной ветер. И это при том, что ровно неделю назад в городе стояла еще вполне летняя погода...

Но такси безнадежно застряло в пробке на Садовом. Хотя всего лишь четвертый час дня, до вечернего столпотворения теоретически еще тоже далеко...

«Ах ну да, начало сентября!» – спохватилась Лиля, наблюдая за ручейками, текущими по стеклу.

Посмотрела на часы, потом в затылок водителю:

– Мы где сейчас? А, поняла... Я выйду, на метро быстрее.

Водитель никак не отреагировал. Вероятно, находился в глубокой меланхолии, вызванной началом осени и теми «прелестями», которые несло с собой это время года.

Лиля расплатилась и выскочила из машины. Пока пыталась открыть зонтик, волосы успели намокнуть. Еще и в лужу угодила: на подходе к метро сняли асфальт – сплошные выбоины.

В метро – тесно, душно, жарко. Одежда сразу же стала противно липнуть к телу, а тут еще брызги с зонтов. Воздух словно наэлектризован от людского недовольства.

Грязная, мокрая, злая, Лиля тем не менее успела к назначенному часу. Ровно в четыре заходила в кафе на Покровке, где была назначена встреча.

– А, вот и она, наша Лили Марлен ненаглядная... – растопырив руки, словно клешни, засеменил навстречу Герман Чашин. В черной кожаной жесткой куртке, напоминающей панцирь; сам плотный, коротконогий, с круглой головой, на которой строго перпендикулярно росли короткие рыжевато-серые волосы; с маленькими пронзительными глазками... Герман и двигался как-то странно, словно боком, тем самым еще больше напоминая краба.

Они обнялись формально, затем мужчина потащил гостью к столику в углу, перед окном.

– Лиля, знакомься, это Жека.

– Жека? – растерялась Лиля, глядя на сутулого смуглого доходягу средних лет, и машинально протянула ему руку. Доходяга поднялся, интеллигентно потряс Лилины пальцы и произнес странным, глуховатым, протяжным (как будто дурачился) голосом:

– Евгений.

– Евгений... Ну да. Евгений. Очень приятно, – пробормотала Лиля, хотя новый знакомый не вызвал у нее никаких приятных чувств. Скорее наоборот – внезапное и беспричинное отторжение, на уровне физиологии.

– Жека, это Лилька. Смотри, какая красавица. Блондинка. Четвертый размер. Лиль, третий или четвертый? Все при ней. Словом, братцы, замутите-ка вы мне хорошую такую лав-стори.

– Я не понимаю, при чем тут мои прелести и какое они имеют отношение к твоей лав-стори, – огрызнулась Лиля. Обратилась к подошедшей официантке: – Чай, пожалуйста.

– Зеленый, черный, фруктовый... – затараторила девушка, перечисляя названия всевозможных сортов.

– Какой народ берет чаще, такой и мне, – по-деловому прервала ее монолог Лиля.

Официантка кивнула и ушла.

– О, ты обратил внимание, Жека? У нашей Лильки чисто мужской склад ума! Все быстро, четко, сразу самую суть хватает. А ты, Жека, мастер подробностей, оттенков и нюансов. Вы

должны сработаться. Поэтому и говорю – если для пользы дела решите между собой замутировать роман, я, други мои, возражать не стану. Оно даже лучше, когда между двумя сценаристами есть искра, есть чувства. Станьте любовниками.

– Я замужем, – напонила Лиля и принялась рассматривать свое лицо в карманное зеркальце. Тушь не потекла, хоть и не являлась водостойкой, а вот довольно длинные, ниже плеч, волосы выглядели сейчас ужасно – мокрые, спутанные ветром... И новая помада в этом освещении казалась слишком яркой. Вот вам и модный «карминно-красный». Как вампириша теперь...

– Да и я вроде как примерный супруг, ни в каких противозаконных связях не замечен, – улыбаясь, протянул Евгений, то ли смеясь, иронизируя, то ли стесняясь.

– А я вам обоим и не предлагаю свадьбу сыграть, – хмыкнул Герман. – Я прямым текстом заявляю – станьте любовниками. Если для дела надо.

– Я тебя умоляю, лучше по существу. Что от нас требуется? – вздохнула Лиля. Краем глаза она косилась на Евгения и внутренне морщилась. Очевидно же, они не сработаются! А про любовников – вообще бред.

Хотя у Германа Чащина, известно, язык без костей... Ему только потому и прощают бестактность, что он хороший режиссер. Очень хороший режиссер. И сам примерный семьянин к тому же. Женат много лет, двое детей, третий на подходе... Но зачем-то Герман ведет себя на публике точно анфан террибль какой!

Герман отпил минералки из бутылки, стоявшей перед ним, опустил голову, помолчал пару минут, собираясь с мыслями. Затем откинулся на спинку и заговорил уже совсем по-другому, не ёрничая:

– Продюсеры хотят от нас мелодраму, достаточно простую по сюжету, но трогающую душу. Чтобы бабы, которые эти мелодрамы смотрят, все обрыдались. Не фильм, а слезодавильня. Но без перегибов, без заламывания рук, без всего этого пошлого жеманства... «Графиня с опрокинутым лицом бежит к пруду топиться» – это не про нас.

– Но при чем тут графиня? – интеллигентно поднял брови Евгений. – Как я понял, история о современности?

Герман помолчал, прокашлялся. Вероятно, ему очень хотелось выругаться, но режиссер сдержался. И продолжил мрачно, с ненавистью почти:

– Это образно. Ты дослушай, Жека, сначала, потом вопросы задавай. Короче, нужна мелодрама. О наших днях. О людях, которые ходят вокруг, чтобы зритель потом воскликнул: о, это ж про меня фильм! Никаких спецэффектов особых, никаких дорогих локаций, особенной природы, где водопады и альпийские луга... Больших денег все равно не дадут.

– А кто герои? – опять встрял Евгений.

– Да погоди ты! Сбиваешь. Конечно, герои – это люди, он и она, между ними любовь... Но слушайте сюда. На самом деле главная героиня фильма – Москва. Вы понимаете? Москва, как огромный город, как место, где соединяются сердца! Конечно, подобных фильмов было полно, начиная от «Свинарка и пастух», «Я шагаю по Москве», и в наши дни наснимали кучу лент... Но нам нужен фильм, с одной стороны, реалистичный, с другой стороны, это будет музыкальная комедия. То есть много музыки и песен. И в этом – главная фишка фильма.

– Музыкальная мелодрама, да еще комедия... – пробормотала Лиля. – Какая банальность. К тому же про Москву!

– Теперь подробности, – невозмутимо продолжил Чащин. – Главная героиня – девица не первой молодости. Не особо юная, но еще не бальзаковского возраста. Одинокая, естественно. С кучей проблем.

Тут Лиля не выдержала:

– Ужас! Как мне это надоело. Ненавижу-у! Одинокая девица не первой свежести. Ха-ха, а я еще на что-то оригинальное надеялась! Ты еще скажи, что у нее лишний вес должен быть!

– Да. Ты права. У нее должен быть лишний вес, – кивнул Герман.

– О нет...

– Лилька, а что ты хочешь? – оскалил крупные желтые зубы режиссер. – Это не я условия ставлю. Этого продюсер требует. А продюсер, в свою очередь, делает то, что от него хочет публика.

– Ты уверен? – фыркнула Лиля. – Публика этого хочет?!

– Да! – В голосе Германа зазвенел металл. – Наша публика – это одинокие, не первой свежести, толстые тетки. И поэтому героиня должна быть такой же – близкой, узнаваемой, понятной.

– Блин. Ладно, ну а кто герой тогда? – мрачно спросила Лиля.

– Вот это без разницы. Главное, чтобы не олигарх, наш народ олигархами уже обжился. Но, разумеется, наш герой – с непростой судьбой. Героиня должна его полюбить и согреть. Ну, а он, в свою очередь, станет ей опорой и подмогой. Все. Остальное придумываете сами – как они знакомятся, ссорятся, через что им придется пройти, пока они наконец не осознают, что являются двумя половинками...

Евгений молчал – чиркал что-то в блокноте, сосредоточенно сведя густые темные брови.

– Но это обычная, дешевая мелодрама для ТВ. Копеечная. Проходная. Как ты на такое согласился, Чашин? – сердито спросила Лиля.

– Нет, не копейная мелодрама. Должен получиться гениальный фильм. Хорошая музыка, хорошие актеры. Простая и сильная история. Продюсер готов платить именно за это. Требуются добрые, позитивные фильмы о Москве. Я понимаю, Лиля, что задача сложная – из... из этого самого слепить конфетку. Поэтому я и свел тебя с Жекой. Вы объединитесь и напишите мне гениальный сценарий фильма, действие в котором происходит в столице нашей Родины. Все понятно?

– Понятно, – уныло произнесла Лиля.

– Жека, тебе тоже все понятно? – Герман повернулся к Евгению.

– Да, мне все понятно, – торжественно произнес тот.

– Ну вот и отлично. Я пошел. Работайте, братцы!

Герман поднялся и, твердо ступая, загребая руками при ходьбе, направился к выходу. Его кожаная куртка при этом негромко, но отчетливо поскрипывала.

Лиля и Евгений остались за столиком вдвоем. Официантка принесла Лиле густую непрозрачную жидкость оранжево-желтого цвета в большом стеклянном чайнике.

Лиля налила, попробовала.

– М-м, вкусняшка! – с удивлением и радостью произнесла она, отпив. – Облепихой пахнет, персиком еще... Хотите попробовать?

– Нет, спасибо, я по кофе специалист, – вежливо отказался Евгений, вертя в ладонях уже наполовину пустую кружку. «Или наполовину полную?» – тут же машинально поправила себя Лиля. Она, как и большинство пишущих, уже привыкла редактировать даже собственные мысли. – Все-таки «наполовину пустую» звучит правильнее...»

Залпом выпила свой чай, налила еще. Горячий, но не обжигающий напиток придавал сил, а сливочный, нежный и совсем не приторный вкус добавил оптимизма. И холодный дождливый день перестал уже казаться Лиле мрачным.

– Хотите еще что-нибудь заказать? – спросил Евгений, внимательно глядя на Лилю.

«Наверное, я слишком жадно пью!» – спохватилась она. И сказала:

– Нет, спасибо.

Есть она и вправду не хотела. Но что, если этот странный Евгений Лазарев вздумает ее угощать? Еще заплатить за нее захочет... Но это же глупо! Они даже не друзья, и уж тем более не любовники. Они пришли на деловую встречу, где каждый сам за себя. Где говорят, а не едят. Нет, конечно, есть-пить не возбраняется, если голоден, но прием пищи вторичен. Часть кафе-

шек Москвы именно для подобных встреч-переговоров и используется. Выпить кофе, обсудить совместные планы.

Поэтому будет глупо и странно, если Евгений вдруг примется угощать Лилию за свой счет... Только бы он не полез на рожон, не начал делать навязчивых и ненужных жестов! Так неприятно, когда люди не чувствуют, не понимают простых вещей. Какие уж тут угощения... Тем более что, как слышала Лиля, театральный драматург Евгений Лазарев был очень беден. Потому, наверное, он с радостью согласился участвовать в написании киносценария. За сценарии хорошие деньги платят, в отличие от тех гонораров, которые дают за пьесы.

И у него жена, ребенок вроде. Хороший муж даже из вежливости чужую тетку угощать не будет.

– Лиля, у вас есть уже какие-то идеи? – вежливо спросил Евгений. Пожалуй, теперь можно сказать определенно, что это у него манера такая – говорить вежливо, чуть наклоняя голову вперед, с полуулыбкой на губах.

– Нет. Я в шоке от предложения Чашина, если честно.

– Гм... да, это довольно сложно будет. Придумать простую и сильную историю.

– Это высший пилотаж – любовь, Москва, наши дни, – сквозь зубы произнесла Лиля. – Тем более когда такая избитая схема, такие стандартные герои.

– Вы уже заранее ненавидите своих героев? – опять приподнял брови Евгений, глядя в свою чашку – словно на кофейной гуще гадал.

– Я ненавижу толстых теток, которые грезят о суженом, но даже похудеть не в силах, чтобы хоть на шаг приблизиться к своей мечте. И несчастных, неприкаянных мужиков с драмой в сердце, которое надо отогреть! – в сердцах произнесла Лиля. – Я уже столько подобного бреда за свою жизнь успела написать...

– Давайте все-таки попробуем еще раз.

– Давайте, – кровожадно сказала Лиля. – Только я еще и зрителей ненавижу, которые охотно хавают эту лабуду. Боже мой, а я надеялась, что Чашин предложит мне что-то стоящее... Он ведь прекрасный режиссер. Прекрасный!

– Вы давно с ним знакомы?

– Так, не очень... Лет семь назад писала для него сценарий. В группе. Нас трое сценаристов было. Довольно сложный фильм, про войну в горах.

– «Кавказский излом»? – опять приподнял брови Евгений.

– Да. Тогда Пересветов еще был жив. Он в нашей группе являлся главным, ну а мы – так, на подхвате. Если бы Пересветов не умер этой весной, меня Чашин сейчас ни за что бы не позвал. – Лиля помолчала. – В основном-то я над сериалами работаю. Это конвейер. Искусства нет. Платят хорошо, а... Вот я почему сейчас так злюсь. Какую-то дурацкую мелодраму про идиотов заказали! Я же хотела участвовать в создании настоящего кино, а не так называемого «кинематографического продукта»!..

Лиля еще некоторое время ворчала. Евгений Лазарев по-прежнему вежливо улыбался, но глаза его смотрели уже печально. Наверное, он решил, что раз Лиля намеревается «соскочить» с работы, то Чашин его тоже погонит.

– Нет-нет, вы не переживайте! – спохватилась Лиля. – Попробуем придумать сюжет, да. Обязательно. Вдруг что-то получится.

– Тогда хорошо бы обменяться координатами?

– Сейчас... – Лиля достала из сумочки визитку. – Тут мой городской, номер моего сотового... И электронный адрес. Спишемся, созвонимся чуть позже, да?

Евгений протянул Лиле обычный листок бумаги со своими данными (вероятно, записал заранее). «Боже, как странно, сделать визитку – это же копейки какие-то...»

Лиля взяла листок, потом вскинула голову, глядя Евгению прямо в лицо. Смуглый, темная щетина, темно-карие глаза, длинный нос с горбинкой, впалые щеки.

– Вы русский? – спросила Лиля, и тут же разозлилась сама на себя: – Я не потому, а просто...

– У меня бабушка грузинка.

– О, заметно! – улыбнулась Лиля. И опять смутилась: – Но я не потому... Просто я патологически любопытна, мне все надо знать. Кто, что, сколько лет, откуда, как... Пока не выведаю – не успокоюсь. Да! И секретов мне тоже доверять нельзя, сразу предупреждаю.

– Мне тридцать семь лет. Москвич. В браке двенадцать лет. Сыну Ленечке шесть... Что еще? – Он задумчиво почесал бровь. – Пью, курю иногда... О других вредных привычках рассказывать?

– Простите... – морщась уже всем лицом, пробормотала Лиля. – Только я не хотела выпытывать буквально все. Мой характер дурацкий, еще раз простите!

– Ну почему? – устало, даже равнодушно, пожал плечами Евгений. – Если нам придется работать вместе, то мы правда должны все знать друг о друге. Мы же не офисные клерки, которые сидят в своей конторе с девяти до шести, и перерыв на обед у них строго с часу до двух. Да и офиса, как такового, у нас тоже нет. Поэтому мы оба зависим от своих вторых половинок, от детей... У вас ведь тоже ребенок, я слышал? Если, не дай бог, простудится, уже из дома не вырветесь... Муж вечером не отпустит со мной сцену обсудить или что еще... Да? Меня супруга тоже иногда делами загружает, и я не во всякое время свободен. Так что мы должны, именно должны подстроить свою личную жизнь друг под друга. Заранее договориться о том, где будем встречаться. Хотелось бы, конечно, где-то посередине, чтобы и вам, и мне не приходилось тратить лишнее время на дорогу...

Он говорил своим мягким, глуховатым голосом, чуть растягивая слова, и Лиля постепенно успокаивалась. Она сморозила глупость (или не глупость, но повела себя слишком бесцеремонно, заставив собеседника откровенничать). Тем не менее Евгений удивительно легко и по-доброму все исправил. Даже больше того – убедил Лилию в том, что она совершенно права, сунув свой нос куда не следует!

– Конечно, обо всем договоримся. Придется подстраиваться друг под друга. У меня, кстати, утро и день почти свободны, – выдохнула облегченно Лиля. – Вечером сложнее, но я тоже вырваться могу. Будем общаться по телефону, иногда встречаться. Муж у меня нормальный. Совершенно спокойно относится к моей работе, все понимает. Хотя, бывает, раздражается, если уж слишком задерживаюсь где-то. Свекровь – вообще золото, она занимается домом и дочкой... Своей внучкой то есть. У меня дочь, Викуся, ей одиннадцать, она уже взрослая...

Лиля в этом коротком монологе рассказала о себе тоже практически все самое главное, единственное – не упомянула о своем возрасте. То, что ей тридцать два, не имеет к работе никакого отношения.

– Наши вкусы должны совпадать? То, что касалось искусства, я имею в виду? – спросил Евгений.

– А, какие фильмы и книги любим? – кивнула Лиля. – Пока без разницы.

– А вдруг не сработаемся? – улыбнулся он.

– Да ну! Если люди не могут договориться, то вовсе не потому, что один читает Джойса в подлиннике, а другой – иронические детективы. Просто эти двое не умеют общаться. Социопатия не зависит от образования и количества прочитанных книг.

– Согласен, – Евгений протянул руку, и Лиля пожала ее.

...Конечно, он заплатил за нее, хотя Лиля отчаянно сопротивлялась.

Потом Евгений Лазарев отправился в сторону Китай-города, а Лиля, под зонтиком, – к метро «Чистые пруды».

Трель мобильного. «Вера» – на экране.

– Кхе-кхе... – В трубке раздался хрипловатый голос подруги. – Селуянова, ты как, не занята? Вот послушай, сейчас отрывок читаю.

– Верунчик, привет! Я на Чистых прудах, иду к метро. И дождь! Давай потом?

– На Чистых? – обрадовалась Вера. – А я неподалеку от Рождественского. Тут довольно милый подвальныйчик, с пирогами. Подходи, поболтаем.

Лиля задумалась. По-хорошему, надо бежать домой, к семье. Делать с дочкой уроки, готовить мужу ужин... Но с другой стороны, Викуся, дочь, вчера хвасталась, что уроков им пока не задают, а ужин обычно готовила любимая свекровь, Раиса Петровна. Ко всему прочему, муж, Сережа, понимал особенности профессии жены... Словом, не родные, а золото.

Тем не менее все равно совестно. Одно дело с коллегой над сценарием работать, другое – пьянствовать с Верой. Да-да, а что иначе лучшая подруга делает в том подвале с пирогами? Наверняка закусывает ими горячительные напитки...

– Ладно, сейчас буду, – заглушив голос совести, согласилась Лиля.

Расстояние от Чистых прудов до Рождественского бульвара молодая женщина преодолела довольно быстро.

– Уф, привет. Не жизнь, а сплошной общепит. – Лиля скинула плащ, села напротив подруги, огляделась. Подвал под старину, интерьер – с древнерусскими, купеческими мотивами. – Второе кафе за день у меня, между прочим.

– Весело живешь...

Перед Верой на столе – блюдо с пирогами, графин с каким-то напитком янтарного цвета.

– А там что? – с любопытством спросила Лиля, кивнув на графин.

– Медовуха. Будешь?

– Буду немного. Пожалуйста, мне пирог с семгой, – обернулась она к официанту.

– А говорила, не голодная, еще где-то посидеть успела.

– Нет, там я только чай пила, есть я тогда не хотела...

– С кем ты чай пила? – Вера подперла щеку кулаком, приготовившись слушать.

...Вера – десятью годами старше Лили. Писательница. Творила под псевдонимом Ганна Борн.

Невысокая, полноватая, с седыми уже волосами (Вера их не красила, поскольку считала, что натуральная седина – это стильно, выделяет женщину из толпы). С темной выпуклой родинкой на щеке, неподалеку от носа, напоминающей формой и размером крупную изюминку. Вполне себе обычное кожное образование... Но всякий, кто разговаривал с Верой, неизменно тарасился на эту родинку.

Вера свою родинку тоже уважала (как и естественную седину) и удалять не собиралась, считая буквально второй своей «изюминкой».

С точки зрения Лили, ее старшая подруга выглядела вполне милой и симпатичной женщиной, и даже пегая седина Веру не особенно портила. Но вот эта дурацкая родинка! Она слишком бросалась в глаза, навязчиво привлекала к себе внимание, она затмевала саму Веру, она даже мешала иногда слушать Веру...

– Чашин позвал меня, – не сразу сбросив с себя «родинковый гипноз», сообщила Лиля.

– Чашин? О, поздравляю! – обрадовалась Вера. – Ты всегда мечтала опять работать с ним. Что-то стоящее?

– Пока трудно сказать, – кусая губы, призналась Лиля. – Он мне пару подыскал, еще одного сценариста. Вернее, это театральный драматург... Чашин заявил – мы с соавтором должны объединиться и создать гениальный сюжет. Но, мне кажется, ничего не выйдет. Мой новый партнер неплохой мужик, вот только у меня к нему какое-то отторжение возникло, на уровне флюидов. И даже жалко его... Чашин намекнул, что тот от безденежья в сценаристы подался. Вот ведь подведу этого дядьку, если откажусь от совместной работы...

– Как интересно! – Вера чокнулась с Лилей рюмками. – Ну, за встречу. Погода жуткая, хандра, все из рук валится... В магазин сходить лень, готовить лень, все лень. А тоже хочется

немного веселья, побыть на людях... Распопов куда-то пропал с утра еще. Вот я и засела тут, в кафе. Да кто он, твой загадочный драматург?

– Какой-то Лазарев.

– Минутку, – Вера откусила кусок от пирога, обстоятельно прожевала, проглотила. – Его не Женькой зовут, случаем?

– Да. М-м, а вкусные тут пироги, не хуже домашних...

– Лиля, да я его знаю, наверное... Тощий, носатый, еще сорока нет?

– Он самый.

– Господи, это же наш Женька! – расплылась в улыбке Вера. – Мы на одном курсе с ним учились, в Литинституте, только я на отделении прозы, а он – на драматургии. Отличный парень, его все любили. Золото, а не человек. Самый молодой был у нас на курсе. Как же он мог тебе не понравиться? – возмутилась подруга.

– Верунчик, я не знаю. Вот такая антипатия вдруг возникла... но я ничуть не сомневаюсь, что он хороший человек, нет!

– Он талантище. Нет, он гений. Я читала его пьесы... Потом, правда, после института, мы редко с ним пересекались, но я слышала, что его пьесы ставили в известных театрах... Куча театральных премий... И с чего ты взяла, что он нищий? – удивилась Вера.

Подруга столь горячо защищала Лазарева, что Лиля даже перестала обращать внимание на ее родинку. Обычно Верунчик была остра на язычок, язвительна, подмечала все недостатки окружающих и любила посплетничать, во всех коллегах видела соперников... А тут с такой приязнью вдруг принялась расхваливать бывшего однокурсника... Дорогостоящее Верино уважение!

– С чего взяла? Не знаю, – растерялась Лиля. – Кажется, Чашин упомянул это вчера, когда мы с ним по телефону говорили. Обмолвился, что Лазареву тянуть семью приходится на себе, жену и ребенка. Или я не так поняла Германа?

– Лилька, дурочка, ты не поняла. Погугли потом, в Интернете, про Женьку. Нет, он не богат, в нашем пишущем мире богачей – единицы, но он никак и не нищ. Да, за сценарии больше платят... Но он не от нищеты, думаю, в кинематограф подался. Лазарев – из очень хорошей семьи. Это не Чашин Женьке, а Женька Чашину одолжение сделал. Господи, Лилька, ты тут носом вертишь, а на самом деле это тебе за свое место держаться нужно, а не Женьке Лазареву.

– Да? Не знала. Я ужасная дура. Вполне в моем духе... – смущенно улыбнулась Лиля. – Только я могу так облажаться, ты знаешь.

– Ладно, не переживай. Все у вас получится. Женька классный. У него жена, кстати, актриса в детском театре, я ее видела. Красотуля. Очень миленькая. Маленькая, деликатная, тонкая во всех смыслах... Травести.

– Я, наверное, по сравнению с ней – просто чудовище. Гром-баба.

– Ой, ладно! Вы ж работать с Женькой будете, не амуры крутить. Я, собственно, чего тебя сейчас позвала... Послушай. – Вера положила перед собой планшет, поелозила пальцем по экрану. И принялась читать с выражением: – «Роберт притянул Эмму к себе, обеими руками сдвинул ее попу, отчего у Эммы из груди невольно вырвался стон...»

– Минутку. Почему – «обеими руками»? – перебила подругу Лиля. – Может, «ладонями сдвинул ее попу»? А то «руками» – что-то не то. Не звучит. Словно он насос качает.

– Ок, принимаю поправку. Слушай дальше: «Эмма прошептала: «Не бойся. Сделай мне больно!» Роберт зарычал и зубами, осторожно, но сильно укусил ее плечо. Затем подхватил на руки и понес к кровати. Эмма в этот момент своими острыми коготками царапала его руки...»

Лиля замечаний больше не делала, внимательно слушала подругу, порой кивая.

– Ну как?

– Неплохо. Только мне кажется, после подобных ласк обоим надо в реанимацию класть.

– Лиля, ты не понимаешь, это сейчас очень модно, все эти любовные зверства... Это игра. Хотя есть жесткое, есть мягкое садо-мазо. К тому же между партнерами существует договор, условные стоп-слова... И потом, это причинение не только физического, но и морального страдания. БДСМ основано на господстве одного и подчинении другого. Людям нужна разрядка, и порой эти игры даже улучшают отношения партнеров.

– По-моему, в обычной жизни и без того боли и унижений хватает. Чего только этот Роберт с бедной Эммой не делал... А анальный секс у тебя в книге будет?

– Лиля! – возмутилась Вера. – Анальный секс – это не романтик. Читательницы меня не поймут. Должна же быть какая-то грань...

– Ага, плеткой хлестать можно, соски зубами грызть можно (а это, между прочим, очень чувствительный орган!), а *это* делать – ни-ни... Ханжи, блин, – захохотала Лиля. Потом спросила язвительно: – Послушай, как ты все эти выверты придумываешь? У вас с Распоповым так же? И хлыстик есть?

– С ума сошла! – презрительно фыркнула Вера. – Да я его сковородкой прибью, если он попробует ко мне с этой ерундой пристать. У нас, у русских, свои «инструменты» для битья – скалки да сковородки! – Потом добавила неохотно: – Это от скандинавских писателей мода пошла, про всякие БДСМ писать... И поэтому меня тоже как шведку издают. Шведку Ганну Борн, польскую эмигрантку. А что? Народ меня любит и охотно покупает. Но я, Лиль, понимаю, что между вымышленным миром и реальным есть грань. Живу одним, пишу совсем про другое.

– Ну, за искусство!

– А ты вот совершенно нетолерантная, Лилька! – с досадой произнесла подруга.

– Я, Верунчик, наверное, сама моральная садистка! Имею право людей унижать, значит!

...Дома Лиля оказалась в половине двенадцатого ночи. Своим ключом открыла дверь, тихо переоделась в полутемной прихожей.

Дверь в детскую закрыта, из комнаты свекрови, Раисы Петровны, – мелодичный храп.

Но муж, Сергей, не спал – сидел в спальне (дверь открыта) на кровати, с ноутбуком на коленях, сосредоточенно смотрел на экран, пальцы бесшумно бегали по клавиатуре.

– Явилась, не запыхалась... – пробормотал он, не поворачивая головы. И не поймешь – то ли злится всерьез, то ли иронизирует по привычке.

– Сейчас умоюсь, поговорим.

Лиля вернулась из ванной через полчаса, сразу же нырнула под одеяло, с головой.

– Холодно. Еще не затопили? – пробубнила она оттуда.

– Рано. Начало сентября только.

– Околеть можно. А ты что делаешь?

– Заявку проверяю. Завтра гендиректору на подпись понесу...

– А-а... – Лиля подробностей не спрашивала, она, обычно любопытная, в особенности работы мужа – главного энергетика на одном из больших предприятий, что под Москвой, – не вникала. Слишком сложно и слишком непонятно. И скучно. Зато Сергея немного злила «богемная» сторона занятий Лили, поскольку он-то не преминул сейчас спросить:

– Лиля, а ты... где сегодня была, с кем пила? Ты думаешь, я ничего не замечаю?

– Сначала с Чашиным говорила, он меня с другим сценаристом знакомил, Лазаревым, объяснял концепцию фильма, потом меня Верунчик перехватила.

– Ах, Верунчик... – пробормотал Сергей. – Ну, тогда все ясно... Старая извращенка и алкоголичка – вот кто она, твоя подруга. А то, что без тебя Вика не хотела спать ложиться, – это как?

– Я скотина. Раиса Петровна что-нибудь сказала?

– Ничего мама не сказала, – раздраженно произнес муж. – Чего она могла сказать? Она уже давным-давно ко всему привыкла.

Все еще сердится, поняла Лиля. Вдохнула там, под одеялом, и обняла Сергея за ноги.
– Не подлизывайся, – дернулся он.

– Я тебя люблю. Если бы ты знал, как я тебя люблю... – прошептала она. Высунула голову из-под одеяла, обожающим взглядом уставилась на мужа, любясь. На журнального красавца Сергей не походил, но и среднестатистической его внешность тоже назвать было нельзя.

Правильные черты лица, широкая шея. Серо-голубые глаза, негустые русые волосы. Форма головы – классическая. Наверное, если Сергей вздумает побриться налысо, ему и это пойдет. Он и стройный, и плотный одновременно, в нем и юношеское еще что-то, и зрелости уже много. И сила, и сдержанность. Словом, золотая середина, все прелести тридцатипятилетнего мужчины...

Сергей – из тех, кого женщины называют пошловатым, но вполне исчерпывающим словом «интересный» и, пожалуй, ценят таких вот мужчин даже больше, чем броских красавцев.

Вот и Лилия все никак не могла налюбоваться мужем. «Как странно. Говорят, что с годами страсть уходит, – неправда...»

– Ты когда пьяненькая, то очень добрая, я заметил, – снисходительно сообщил муж.

– Я и не пила почти. Больше болтали с Верунчиком, сплетничали, хохотали... Она мне отрывки из своего нового романа читала.

– А, про извращенцев, – усмехнулся Сергей.

– Да что ж ты все ее критикуешь? Нехорошо... Кстати, про извращенцев. Хочешь, отшлепай меня, – великодушно предложила Лилия. – Раз я виновата. Накажи меня! – Она повертелась, стянула с себя одеяло. И зажмурилась – вдруг и правда ударит?

Муж молчал. Потом сказал:

– Я даже в шутку женщину ударить не могу.

– Но это не битье в прямом смысле, это игра...

Сергей захлопнул ноутбук, отложил его в сторону, притянул Лилию к себе. Поцеловал, разом прощая все.

Гладил, трогал, снова целовал.

– Ты хочешь в эти игры играть? – прошептал он ей на ухо. – Только я ведь тебя знаю, Лилия. Тебя шлепнешь, пусть и в шутку, ты три года поминать будешь, что я тебе больно сделал. Ты провокаторша. Ты – вредина.

...Со стороны, при посторонних, муж выглядел мрачным, всегда серьезным. Солидным. Но нежнее его Лилия не знала человека. Сергей относился к ее телу, с одной стороны, словно к сокровищу, к чему-то хрупкому и драгоценному. Постоянно находил повод полюбоваться им. Вот и сейчас – разглядывал, поворачивал. Прикасался кончиками пальцев, губами, осторожно – к Лилиным плечам, животу, груди, ногам, – словно мотылек задевал ее кожу своими крылышками. С другой стороны, сокровище столь часто не берегут, не мнут в ладонях, словно пластилин, не прижимают к себе, не лишают дыхания долгими поцелуями...

Вот и сейчас этот незаметный переход от невесомых прикосновений – к объятиям, таким тесным, что дышать уже нельзя, когда – будто тонешь...

Лилия, в последние мгновения соития, словно утопающая, привычно схватилась за крепкую шею мужа, словно только он и мог вытащить ее из бездны, и устремилась вслед за ним – туда, к свету, вверх...

– Ах, – наконец беззвучно произнесла она и открыла глаза. Сергей перекатился на бок, лег рядом, продолжая прижимать Лилию к себе.

Она вдруг засмеялась.

– Что ты? – спросил он.

– Да я все думаю. Мы хоть и в разных комнатах все, и стены кирпичные, но лишний раз боимся застонать, крикнуть, кроватью заскрипеть... А вдруг мама твоя услышит, а вдруг Викуська еще не спит? И вот вопрос: а как же эти БДСМшники любовью занимаются? Там же

сплошные визги и крики должны быть и резкий посвист хлыста... Не все же в клубах любителям садо-мазо сидеть? Дома-то они в свои игры играют?

– У них на то отдельные пентхаусы. Дворцы. И целые этажи в их распоряжении, – лениво пошутил муж.

– Да, ты прав, – мечтательно вздохнула Лиля. – И дети у них в родительскую спальню не заглядывают, и свекрови с тещами по шкафам не лазят, наводя порядок. Поскольку уборку там слуги наводят... Хотя, если честно, мне было бы неприятно, если бы даже служанка оказалась в курсе моей интимной жизни.

– Ты не за того вышла замуж, Лиля. Тебе надо было олигарха с недвижимостью искать.

– Кстати... Кстати, про олигарха... Мне надо сюжет придумывать... – пробормотала Лиля сонно. – Но только чтобы в нем никакого олигарха не было.

– Тебе одной? У тебя же напарник есть, как я понял... Новый сообщник, которого Чашин привел.

– Да, точно. Завтра с этим сообщником все и обсудим. – Она зевнула.

– Он, кстати, кто?

– Сообщник? – усмехнулась Лиля. – Говорят, гений. Его даже Верунчик уважает.

– А тебе этот Лазарев как? – В отличие от Лили, Сергей всегда интересовался работой жены, вернее, теми, с кем жена работала. Наверное, все-таки немного ревновал?

– Плохо, – призналась Лиля. – Он очень странным мне показался. Нет, он хороший человек, и все такое. Но... он какой-то *другой*. Чужой, непонятный, неприятный.

– Он женат хоть? Сколько ему лет?

– Что? Брось, перестань. Не ревнуй. Я никогда в жизни не была влюблена в мужчину творческой профессии и не собираюсь совершать такую глупость. Это как-то противостоит природе – любить актера, режиссера, писателя, сценариста, поэта... Брр! Они все не настоящие мужчины.

– А кто – настоящие? Олигархи, что ли? – не отставал муж.

– Тоже нет, – решительно заявила Лиля. – Вернее, дело совсем не в этом. Мне мужчины либо очень противны, либо просто безразличны. Если бы я не встретила тебя, прожила бы всю жизнь одна. Мне нужен только ты, я люблю одного тебя...

– И я люблю тебя, и мне никто не нужен, – сказал Сергей и поцеловал ее в плечо.

– Ах да, ты знаешь, как называется то, чем мы с тобой сейчас занимались, у БДСМщиков? Ванильный секс. Ванильный – значит, без какого-либо дополнительного вкуса. Как простое ванильное мороженое...

Утро.

Лиля, сколько ни старалась, почти всегда умудрялась проспять утренние сборы семьи. Вставала обычно, когда Вика, уже накормленная бабушкой, готовилась выйти из дома. Лиле оставалось только расцеловать дочку и вежливо поздороваться с Раисой Петровной... Сергей выбегал еще раньше, стараясь попасть на работу до начала утренних пробок. Он жалел жену и не будил ее. Завтрака, приготовленного руками супруги, он не ждал – по утрам у него аппетит отсутствовал. Сергей выпивал лишь чашку черного кофе, а завтракал уже на работе, часов в одиннадцать.

Вот и в этот раз Лиля вышла из спальни, а в коридоре Раиса Петровна уже суетилась вокруг Вики.

– Доброе утро. Зайка, зайка моя! – Лиля обняла дочь, звонко расцеловала ее в макушку.

– Ма, смотри, какой мы с бабушкой вчера мне зонтик купили! – радостно сообщила дочь, глядя на Лилу ясными, сияющими глазами. – С кошками, как я люблю!

– Пятьсот рублей. Это куда мир катится... – вздохнула Раиса Петровна, застегивая на себе плащ. – Доброе утро, Лиля.

– Пятьсот? Это совсем недорого, – возразила Лиля.

– Ужас... В наше время детские вещи столько не стоили, – упрямо возразила свекровь. Приобняла Лилию на мгновение: – Ну, пока. Там на кухне я тебе сырников оставила.

– Раиса Петровна, спасибо!

– Да ладно. Я Викуся в школу провожу, потом на рынок.

– Мамочка, пока!

– Пока, зайка моя!

Лиля закрыла за ними дверь, потом подошла к окну на кухне. С высоты третьего этажа хорошо просматривался двор.

Вот они идут, Вика и Раиса Петровна. Вика – худенькая, высокая для своего возраста, с белой длинной косой, в малиновом плаще, резиновых сапожках, вертит над головой зонт – дождь опять накрапывает. И свекровь выступает бойко рядом – невысокая, почти вровень с внучкой, плотная, с задорным пучком фиолетовых волос. Они о чем-то болтают, старая и молодая, оживленно поглядывая друг на друга. И не похожи, и похожи до ужаса – повадками, походкой.

Вика – бабушкина внучка. Раиса Петровна обожает Вику до исступления, до паранойи. Кутает, закармливает, балует, ходит с внучкой на все детские утренники, в кино, на спектакли... Читает с ней, проверяет уроки. Хотя, если честно, Викуся – отличница, соображает получше бабушки...

Отнять все эти заботы у Раисы Петровны – значит ее убить.

Лиля и Сергей не раз предлагали нанять домработницу, няньку для Викусы, чтобы свекровь не надрывалась так, – но нет, никогда!

Если бы Раисе Петровне досталась другая невестка, не Лиля, а более самостоятельная и независимая особа, не нуждающаяся или вовсе категорически не принимающая помощь со стороны, жизнь пожилой женщины лишилась бы смысла.

Лиля, «неправильная» Лиля являлась лучшим подарком Раисе Петровне. Они почти не ругались. Спорили, да, эти две женщины часто, но – не скандалили, не злились друг на друга, прекрасно понимая, что ничего изменить нельзя. Вернее – что ничего *нельзя* менять в существующем порядке вещей.

«А я ведь в героини фильма не подошла бы, – вдруг не без иронии подумала Лиля, глядя в окно. – Героиня должна быть положительной. А я – плохая жена и плохая мать. Я, по сути, не заслуживаю того счастья, которое имею. Сколько вокруг добрых, трудолюбивых, умных, красивых, хозяйственных, совсем не стервозных, но таких одиноких женщин! И за что мне это счастье, чем я его заслужила, спрашивается?»

* * *

Он проспал. Он всегда умудрялся проспать – потому что лег поздно, засиживаясь за компьютером до середины ночи.

Открыл глаза – сверху угрожающе нависал (словно готовясь обрушиться) серый в утренней полутьме потолок. И еще – было оно, желание, разрывающее душу и мозг. Евгений, как и большинство мужчин, открывал глаза утром по зову плоти.

Но Иры рядом не оказалось. Значит, поезд ушел. Все. Ничего не обломится.

У Евгения с женой существовала договоренность: хочешь – бери. Но только если Ира еще не выскользнула из постели. То есть «брать» надо было сразу после звонка будильника. Потом Ире – некогда, поскольку ее утро подчиняется строгому расписанию, нарушить которое никак нельзя.

Распорядок Ириногo утра следующий:

1. Приготовление завтрака. Процесс не сложный, но требующий оглядки на время – сварить полезную овсяную кашу и дать ей настояться, запарить так же несколько черносливин или кураги. Ира завтракала только овсянкой и сухофруктами.

2. Зарядка, долгая и обстоятельная. Ирина работа требовала пребывания в хорошей физической форме. Хочешь – не хочешь, а надо качать пресс, делать растяжку.

3. Медленное и вдумчивое питье холодной воды (чтобы кишечник заработал). Если Ира не выпивала стакан воды или проглатывала ее залпом, то кишечник работать не начинал, оттого потом тяжесть на весь день, раздражение... У Иры, как и у многих женщин, и в особенности у рожавших, наблюдались некоторые затруднения в этой области.

4. Прочие утренние процедуры – мытье, укладка волос... Словом, все утро у жены было расписано по минутам, она не могла бросить все и ублажать проспавшего звонок будильника мужа.

Потому что потом у Иры – новая порция утренних дел: разбудить сына, покормить его, отвести в сад...

Евгений много раз предлагал жене свою помощь. Да, пусть он проснулся позже, но он способен помочь Ире. Она ему – утренний секс, а он – свои услуги потом. Она делает зарядку, а Евгений сам собирает сына в сад.

Нет.

Евгений все делал категорически *не так*, медленно и неправильно. В его действиях, по мнению жены, не наблюдалось упорядоченности и логики. А ведь утро в семье в будний день должно мчаться четко и быстро, точно поезд по расписанию. Забыл какую-то мелочь, затормозил на середине пути – все летит к черту, и день тоже испорчен безнадежно!

Ира не ругалась, не закатывала скандалов, когда семейный поезд вдруг, по вине Евгения, нарушал свой утренний график. Нет, в этом случае она просто цепенела, замыкалась в себе. Взгляд ее становился бесстрастным, пустым.

Тогда она доделывала или переделывала все, с чем не справился муж, брала сына Ленечку за руку и выходила из дома. Или, что хуже, покидала квартиру с полным кишечником или неразмятыми мышцами. Несчастной на целый день – уж такова была ее физиология, ее психика.

Евгений же после ухода жены чувствовал себя подлецом и негодяем.

Поэтому проще было сейчас лежать в кровати и глядеть в потолок, и не просить ничего, и не ждать милостей от жены. В лучшем случае он просто помешает Ире, в худшем – испортит жене целый день.

Конечно, существовал другой вариант. В теории. Например, Ира открывает глаза по звонку будильника (который ее муж категорически не слышит), будит сама мужа, Евгений быстренько осуществляет свои супружеские обязанности, Ира резво вскакивает с кровати и проводит утро так, как привыкла, не выпуская из-под контроля ни одно дело.

Но! Но для Иры оказалось унижительным расталкивать по утрам мужа. Ее тонкая, трепетная женская душа не принимала грубой правды жизни. Она будит мужа, чтобы он – взял ее?!. И это с учетом того, что Ире по утрам не хотелось ничего вообще. По вечерам, перед сном – да, она могла и хотела, но только не утром! Поэтому будить мужа затем, чтобы тот справил свою мужскую нужду... Нет!

Третий вариант – сделать трель будильника громче. Казалось бы, реальный выход. Но на деле громкая трель пугала Иру и будила в соседней комнате сына, который мог бы поспать лишний часик перед садом.

Поэтому Евгений с Ирой давным-давно договорились, как должно проходить их утро. Умные, современные, уважающие друг друга люди – Евгений и Ирина. Они говорят, и они договариваются цивилизованно – до устраивающего их обоих варианта.

Евгений проспал – все, нечего требовать. Он проснулся – все, Ира, отдавай супружеский долг.

Поэтому Евгений, проснувшись этим утром в одиночестве, продолжал лежать в постели. Во-первых, потому, что болтаться по квартире в подобном состоянии и самому не очень-то удобно, во-вторых, это зрелище раздражало Иру, угнетало ее (хотя Евгений не для укора жены ходил по квартире). Проще заняться самоудовлетворением, хех. И в-третьих, Евгений мешал Ире. Просто тупо мешал. Она чего-то делает, а он тут, у нее на пути, здрасте! Ходит. Смотрит. Говорит. Сбивает с толку. Лезет с нежностями!

И вот кто он после всего этого?

Он тряпка? Он не мужик? Не умеет настоять на своем? Не умеет наладить распорядок дня в своей семье? Не способен помочь?

Да, скорее всего, он тряпка.

Или нет? Или он просто держит свои желания под контролем, под каменной плитой даже, он не скандалит и ничего не требует. Он – соблюдает договоренности.

И он, в конце концов, уважает Иру, понимает ее. Он идет ей навстречу. Ну да, она с утра на взводе, у нее свои прибабахи... то есть особенности. И видеть она никого не может, поэтому в первый час после пробуждения лучше не лезть к ней, не попадаться на глаза, даже с самыми лучшими намерениями.

Дело в том, что Ира – актриса. Травести. Играет в театре юного зрителя, обычно роли мальчиков.

И она должна в свои тридцать восемь лет выглядеть юной, свежей и гибкой, с ясным взглядом и задорной улыбкой, чтобы дети в зрительном зале не усомнились – перед ними настоящий пацан, а не старая тетка.

Словом, если Евгений любит и уважает свою жену, желает ей карьерного успеха, он должен в некоторые моменты жизни молчать и терпеть.

...Сквозь приоткрытую дверь была видна соседняя комната, называвшаяся «гостиной».

Там, на ковре, была Ира – в пижамке, в забавных панталончиках и кружевной кофточке, в чем спала. Со стаканом воды в руке. Жена стояла, выпрямив спину, медленно отпивала глоток за глотком и о чем-то сосредоточенно думала.

Невысокая, очень худенькая. Очень ладная. С коротко стриженными темно-русыми волосами. Ира напоминала мальчика-пажа из волшебной сказки... У нее было широкое, круглое лицо, светло-серые глаза широко расставлены, маленький носик. И ни единой морщинки. Окружающие часто принимали Иру за девочку, и где-нибудь на улице, в транспорте к ней именно так и обращались – «девочка». Именно девочка, а даже не девушка. И уж тем более не женщина.

Одевалась Ира тоже как девочка-девушка – джинсы, трикотажные кофточки-маечки. Любая вещь, даже самая простая, недорогая, смотрелась на Ире очень мило.

Пожалуй, жена принадлежала к тому редкому типу женщин, которым шло все: и костюмы, и платья, и брюки... И даже длинные юбки, которые обычно хорошо смотрятся только на высоких, превращали Иру в точеную статуэтку (разумеется, подогнанные по фигуре юбки).

Она умело подбирала аксессуары – сумочки, платочки, шарфики, шапочки... Все недорого, и все очень стильно. Любая, даже самая дешевая китайская заколка, купленная в ближайшем торговом центре возле метро, смотрелась на Ире эксклюзивной французской бижутерией из бутика.

А уж если Ира выходила при полном параде, то выглядела сногсшибательно.

Руки Иры – тонкие, изящные, с длинными пальцами, ногтями изумительной формы. Эти руки вызывали восхищение окружающих. Время от времени кто-то обязательно интересовался у Иры – а не играет ли она, случайно, на скрипке?

Словом, Ира внешне – настоящая леди.

И внутренне Ира – тоже леди. Тонкая, деликатная, не способная вступать в базарные разборки. Нет, в сложных ситуациях жена не молчала, не терпела – всегда отстаивала свою точку зрения, была тверда, но при этом максимально корректна. Коллеги отзывались о ней как об удивительно интеллигентной женщине, хотя закулисная жизнь в театре, путь и детском, спокойствием не отличалась.

Что еще? Ира – прекрасная хозяйка, которая не просто не допускала мужа к домашним делам, она требовала, чтоб Евгений (неуклюжий, медлительный, рассеянный) ими не занимался. Ведь Ира все делала быстро, на автомате, и у нее все в быту было налажено (переставить банки на кухне или кастрюлю не на ту полку в холодильнике задвинуть – уже нарушение!).

Дом, вернее двухкомнатная квартира, Лазаревых всегда отличался порядком, чистотой, уютом. Как Ира умела подбирать себе одежду, так ловко она «лепила» и квартирный интерьер, иногда «из ничего» делая чудеса! Даже дешевый столик из ИКЕИ после некоторого усовершенствования, предпринятого Ирой, казался стильной вещичкой.

Ира прекрасно готовила. Не диковинные разносолы, нет, но, опять же, самое простое блюдо выходило из ее рук праздничным и изысканным.

И вот как, как не пойти навстречу этой удивительной, прелестной женщине, потрясающей жене?! Разумеется, Евгений старался хотя бы не мешать Ире и строго соблюдать договоренности. Он любил ее и уважал – бесконечно.

...Евгений умылся на кухне, пока жена плескалась в ванной, вернулся в спальню.

Прошло еще какое-то время, и он услышал голоса сына и Иры из прихожей. Громыханье стула, цоканье каблучков. Ага, значит, собрались, можно уже выходить. Евгений, к тому моменту спокойный, поборовший своих утренних демонов, накинул на себя халат и вышел в коридор.

– Папа! – с восхищением выдохнул Леня, сын. Маленький, худой, глазастый. Воробышек... – Папа!!!

Евгений присел, а сын, уже одетый для сада, в резиновых сапожках, курточке с капюшоном, бросился отцу в объятия.

– Папа, папа...

– Ленечка, счастливого тебе дня!

– Папа, ты за мной придешь?

– Да-да, я тебя заберу из садика. Вместе будем гулять и играть.

Евгений крепко расцеловал сына. Леня пыхтел, висел у него на шее пиявкой.

Вечером, около пяти, Ира еще находилась в театре, поэтому отвести сына домой она уже доверяла мужу. Даже если Евгений накосячит чего – уже не страшно, уже поправимо.

– Ну все, Леня, пора, – сказала с улыбкой Ира. В узких брюках, коротком плотном пиджаке, как его... в стиле Шанель. С шарфиком, нежным розовым облаком окутывающим ее шею. Темно-серый пиджак – розовый шарф... Черные брючки, черные остроносые туфельки, лаковая сумочка пудрового цвета. Отсвечивают небрежные завитки волос – таинственным, золотым блеском...

– Ты прелесть. Я тебя люблю, – глядя на жену, сказал Евгений. – До вечера!

– Пока. Пока-пока! – Ира улыбнулась: – Леня! За мной, отпусти папу.

Они ушли.

Надо было садиться за работу. Дописать пьесу, набросать статью для одного журнала и еще – обсудить с некоей особой план будущего сценария.

Евгений взялся за сценарий по просьбе одного режиссера, Чашина. Работа непростая, не совсем пока понятная. Правда, за нее обещали хорошо заплатить.

Семья Лазаревых не бедствовала, хотя заработки что Ирины, что Евгения – весьма скромные. Тем не менее на жизнь всегда хватало.

Но... Но Ира решила в следующем году отдать Леню в частную школу. Очень хорошую. С углубленным изучением языков, с теми возможностями, которые государственные школы предоставить не могли. А это – большие деньги, платить за подобное удовольствие. Поэтому Евгений и согласился на работу сценариста.

Хотя сначала он немного удивился желанию Иры отдать ребенка именно в частную школу. Рядом, в шаговой доступности, находилась парочка вполне приличных, судя по отзывам и рейтингам, государственных школ. А в пяти остановках на троллейбусе – и вовсе одна из лучших школ в Москве, вернее, даже не школа, а знаменитый образовательный центр. Тоже государственный, и тоже бесплатный. Напрягшись, вооружившись связями и знакомствами, можно было записать Ленечку туда.

Можно. Только Ира не захотела. Она желала для своего сына большего. Она говорила о том, что именно от школы зависит вся дальнейшая судьба Лени. Образование сейчас – это все. Школа определяет выбор института. А институт, в свою очередь, дальнейшую карьеру человека... Ошибся со школой – будущее ребенка коту под хвост.

Да, образовательный центр – это прекрасно, но там переполненные классы, считала Ира, там все-таки не идеальная дисциплина. Слишком много свободы. А вот в той самой частной школе – атмосфера камерная, замкнутая. Очень строгая дисциплина – без чего Ленечке, рассеянному и невнимательному мальчику (весь в отца!), никак не обойтись. Словом, в частной школе – лучше.

Евгений жене доверял. Лучше так лучше, отдадим Леню в частную школу.

Только работать придется теперь вдвое больше.

Ну ладно. Надо позавтракать и звонить этой, как ее... Лиле. Лилии Селуяновой.

Они только вчера познакомились, Лилия и Евгений.

Надо сказать, Лилия ему не то чтобы не понравилась, нет... Он вообще никогда не судил людей по каким-то внешним признакам. Но в этой молодой женщине было столько нахальства, вызова... Начиная от белокурых кудрей до золотых туфелек на высокой платформе. Помада ярко-красного цвета. Евгений, привыкший к сдержанности и изяществу жены, всегда удивлялся, когда видел подобных «огламуренных» особ.

Лилия смеялась громко, вела себя бесцеремонно, ела, вернее, пила чай жадно. И совсем не скрывала того, что Евгений ей не понравился. Она почти открыто заявила о том, что со сценарием у них ничего не получится.

Гм... Но в любом случае надо попытаться наладить общение с этой особой.

– Алло, Лилия, здравствуйте. Я не слишком рано? – вежливо спросил Евгений.

– Здравствуйте. Нет, в самый раз! – бодро отозвалась та. – Ну-с, с чего начнем?

– Давайте для начала придумаем нашим героям имена, – предложил Евгений. – А то как-то неудобно обсуждать сюжет без имен – он, она... – Евгений, одной рукой прижимая телефон к уху, другой раскрыл на столе блокнот.

– Милана и Спиридон, – выпалила Лилия и захохотала.

– Прекрасная мысль, – благодушно согласился Евгений. Чего-то подобного он ожидал и бросил ответный «мяч»: – Мой вариант – Агафоклея и Нифонт.

– Агафоклея... – мечтательно произнесла Лилия. – Пожалуй, у вас вариант лучше. Если серьезно – ненавижу вычурные имена.

– Да и я от них не в восторге, – невозмутимо согласился Евгений. – Нашим героям – двадцать пять-тридцать лет, а в те времена, когда они только родились, детей еще не было принято называть с переподвыподвертом.

– Маша и Паша, чего уж проще! – опять некстати захохотала Лилия. – Мария и Павел то есть.

– Согласен. Пусть Маша и Паша. Маша будет из простой семьи, а Паша – весь такой сложносочиненный... Не бизнесмен, нет, я помню. Например – интеллигент, белая кость.

– А почему это Маша – из простых? – немного обиделась Лиля. – Она у нас из потомственных интеллигентов, возможно из дворян. Этакая принцесса, по воле обстоятельств вынужденная занять вакансию Золушки. А вот Павел, Паша – из пролетарского пригорода, воспитания нет...

– Ну и зачем нашей тонкой, вернее толстой, но душевно тонкой Маше – этот быдловатый Паша? – возмутился Евгений.

– Затем, что наша Маша – толстая, не первой молодости девица, которая страдает от одиночества...

– Кстати! Почему это она страдает? – пожал плечами Евгений. – Это так банально – страдания одинокой женщины. Она прекрасно себя чувствует без мужа. Она типичная холостячка.

– Минутку! Герман просил изобразить женщину с проблемами, страдающую, – перебила Лиля.

– А она страдает не от одиночества, – парировал Евгений.

Пауза. Они глубоко задумались.

Потом Лиля сказала в трубку:

– А что, если наша Маша страдает из-за своей матери? Например, мать Маши спит и видит, чтобы выдать свою дочуру замуж...

– Хорошая мысль. Не особо новая, но для комедии – в самый раз! – улыбнулся Евгений. И Лиля тоже хихикнула.

– Послушайте, только мне быдловатый герой из пригорода не нравится, – посерьезнев, добавил Евгений. – Какой-то расхожий образ, и он не вписывается в концепцию фильма. Фильм – о Москве. Давайте сделаем героя типичным москвичом.

– И он тоже не стремится вступать в брак, кстати, – подхватила Лиля.

– Точно. Они оба по-своему счастливы, наши Маша и Паша, – согласился Евгений. – Живут себе как закоренелые холостяки, им обоим так удобно и комфортно...

– Но тогда зачем они друг другу?! – пылко спросила Лиля.

– А это и есть тот случай, когда в дело вмешивается настоящая любовь... Но надо придумать историю знакомства Маши и Паши, столкнуть их лбами, так сказать...

Евгений и не заметил, как увлекся беседой. Лилины шутки, Лилин смех уже не казались ему неуместными. Они с Лилей фантазировали на ходу, перебивая друг друга и дополняя. Это не беседа была даже, а болтовня – все в шутку, не серьезно. И так весело оказалось играть вместе, хохмить, складывая будущий сюжет, словно в мозаику, а потом вновь рассыпать все, чтобы затем сложить новую картинку.

Они болтали часа два, перебирая варианты развития сюжета будущего сценария, потом решили взять тайм-аут – для того, чтобы упорядочить придуманное.

Едва только Евгений нажал на кнопку отбоя, раздался звонок.

Он думал, что это опять Лиля, с каким-нибудь пожеланием вдогонку, но, оказалось, звонила мать, Инесса Викторовна.

– Телефон был долго занят! – с возмущением произнесла она. – Безобразие! Ира опять с кем-то болтала?

– Нет, я, по работе.

– Опять ты ее покрываешь! – недоверчиво воскликнула мать.

Инесса Викторовна ненавидела свою невестку.

За что?

За то, что Ира являлась приезжей (известно, что приезжим от москвичей надо: так и мечтают набросить на них хомут в виде брака, чтобы в столице поселиться!). За то, что Ира работала в театре (известно, какие они, эти актрисы!). Еще мать упрекала Иру в том, что та – плохая хозяйка, плохая мать... Словом, обычная история нелюбви свекрови к невестке.

Можно было, конечно, эту нелюбовь списать на возраст (семьдесят восемь лет как-никак), но сколько себя помнил Евгений, мать всегда отличалась сложным характером и непримиримостью – уж если кого невзлюбила, то это навсегда.

Она, мать, считала себя белой костью, избранной. Родилась в семье дипломатов. Первым мужем Инессы Викторовны (и отцом Евгения) являлся известный советский авиаконструктор. Потом муж умер, и Инесса Викторовна нашла себе нового – не менее известного композитора. Композитор на момент знакомства оказался глубоко женат и очень немолод, а жена его, тоже немолодая, болела сильно, но эти обстоятельства не смутили упрямую вдовицу.

Инесса Викторовна влезла в чужую семью – на правах «друга» и «помощницы». Когда жена композитора через год умерла, пожилой гений оказался в полной собственности «помощницы». Они поженились.

Инесса Викторовна обожала помогать и поддерживать. А еще любила общественную жизнь, светские мероприятия... Она любила и умела дружить с сильными мира сего, благодаря мужьям перед ней теперь открывались все двери.

Официально считалось, что она продлила жизнь своего второго мужа. Композитор умер только через двадцать лет брака, на сотом году своей жизни. Хотя, подозревал Евгений, дело тут не в благотворном влиянии Инессы Викторовны на отчима, а в том, что сам отчим был из породы долгожителей... Хотя да, все-таки надо признать, мама ухаживала за своим вторым мужем, кормила и лечила. Так прилежно заботятся о своем домашнем питомце девочки-отличницы... А Инесса Викторовна, безусловно, до седых волос носила в себе комплекс отличницы, эту мысль, что она – самая лучшая. Самая лучшая жена и хозяйка, да.

Здесь надо заметить, что у композитора от первого брака имелся сын, который к моменту смерти своего отца уже находился на пенсии, и инвалидность, ко всему прочему, у него тоже была. А значит, он имел право на часть наследства отца, вне зависимости от того, на кого написано завещание и было ли оно написано вообще.

Пасынок затеял судебную тяжбу с Инессой Викторовной, процесс длился уже не один год. По закону Инесса Викторовна обязана была поделиться частью наследства с престарелым и больным сыном своего второго мужа, но разве она могла допустить подобное? Ни пяди врагу, то есть пасынку.

Пасынку бы отступить (тоже человек небедный), но у него – свои принципы. Он ненавидел мачеху, которая рассорила его с отцом и отравила последний год жизни его умирающей матери – своей «бескорыстной» помощью (слова пасынка об Инессе Викторовне: «В каждой бочке затычка, всюду нос совала, и все это – на глазах у мамы, лежащей, которая медленно угасала и ни слова этой хищнице сказать не могла!»).

Словом, притязания пасынка на часть наследства композитора – вполне законны, но... надо знать Инессу Викторовну, эту «железную Бертю», как называли ее некоторые за глаза. Она подключила свои связи, и теперь вся культурная общественность Москвы, известные люди – композиторы и художники – были на ее стороне.

Евгений пытался остановить мать (ну дело ли по судам бегать в семьдесят восемь лет!), но бесполезно.

Инесса Викторовна жаждала продолжения войны. Тут ведь дело принципа, не только из-за наследства битва шла...

– Ты послушай, какие новости! Вчера еще одно заседание суда состоялось... – решительно начала свой монолог мать. – И ты знаешь, что этот гад учудил, этот изверг, этот фашист...

Вот еще один предмет ненависти матери – адвокат пасынка. Отвратительный уже по факту того, что защищал интересы «недостойного сына».

Конечно, «недостойный сын» композитора, он же пасынок Инессы Викторовны, мог бы вести себя помудрее, оставить старушку-мачеху в покое, не терроризировать ее судебными исками.

Но как простить и отпустить ту, которая разлучила его с отцом? Отец, между прочим, прожил счастливых сорок лет в браке со своей первой женой, матерью пасынка...

Словом, обе стороны, что Инесса Викторовна, что ее пасынок, шли на принцип и отступать не собирались.

Евгений, прижав плечом телефон к уху, делал вид, что слушает мать, а сам набрасывал план сюжета в блокноте. И еще краем сознания думал о том, какое, возможно, будущее его ждет. Да, матери почти восемьдесят, ну и что с того? Она по-прежнему бодра и энергична, соображает прекрасно и, главное, сидеть на месте не намерена. Она вела активную жизнь при отце, затем при втором своем муже, композиторе, теперь вот бьется за наследство... Но что дальше? Дело о наследстве рано или поздно закроют, и даже уже не важно, в чью пользу.

И чем тогда матери заняться? Ведь тогда она непременно полезет в жизнь своего сына. Его, Евгения. То есть попытается устранить Иру. Не надо быть ни экстрасенсом, ни психологом, чтобы догадаться о дальнейшем развитии событий.

Конечно, ни Евгений не позволит матери это сделать, ни Ира, женщина разумная, тоже не поддастся на провокации, но, боже мой, трести семью будет как при семибалльном землетрясении!

– Жень, ты меня слушаешь? – время от времени спрашивала мать, прерывая свой монолог.

– Да, мама, – примерно отвечал тот. – Так что твой адвокат решил? Подавать еще одну жалобу?

Мать, успокоившись, продолжала говорить.

Евгений не собирался с ней ссориться, не хотел идти на конфликт или ставить мать на место, как подобает настоящему мужчине... Потому что поставить на место Инессу Викторовну невозможно. Она уже всей своей жизнью доказала это всему миру. Это во-первых. Во-вторых – почтенный возраст матери. В-третьих, «онажемать», как сейчас принято говорить. Существо сакральное, святое, неприкасаемое. Да она сроду не интересовалась сыном, погруженная в светские, общественные мероприятия и творческие вечера! Ну и что с того? Она мать, и все тут.

Да и поздно, поздно доказывать семидесятивосьмилетней женщине, что она была плохой матерью. И напоминать, что все раннее детство Евгений провел на пятидневке (в яслях, потом в садике), а в подростковом возрасте – два года и вовсе прожил в интернате (поскольку отец находился в командировке за границей, ну и мать вместе с ним).

Кроме того, опять этот вопрос о наследстве. В этот раз о его наследстве, Евгения. Даже если мать вынудят отдать часть средств пасынку (не половину даже, кстати, а четверть, что ли, от того, что осталось после брака с композитором), наследство Евгения в случае смерти Инессы Викторовны – немаленькое.

Разрушается Евгений с матерью при жизни, а та возьмет и завещает все государству. Или какому-нибудь фонду. Мать уже намекала один раз. Евгений не мог этого допустить, не должен был терять наследство. Потому что речь шла уже не о нем самом, а о сыне, Ленечке. Ради Ленечки Евгений кожу с себя живьем был готов содрать, землю есть.

Он любил сына безмерно и понимал – да, пусть он, Евгений, хоть сто раз молодой здоровый мужик, который в состоянии заработать, но выше потолка не прыгнуть. Он работник слова, а не владелец нефтяной вышки. И это в наше время, когда рост инфляции, кризисы и дефолты, будь они неладны; когда и хорошее образование, и хорошее лечение (тьфу-тьфу-тьфу, не дай бог!) тоже стоят немалых денег.

Поэтому он переломит свою гордость и выслушает лишний раз свою мать.

Мать болтала около сорока минут. Евгений отвечал односложно, время от времени издавая то возгласы возмущения, то удивления. Но на самом деле его сердце было холодно, абсолютно равнодушно к проблемам, о которых говорилось.

Года полтора назад, когда дело о наследстве покойного композитора только разгоралось и пасынок завалил Инессу Викторовну исками, Евгений, как примерный сын, предложил матери (разумеется, втайне от Иры): а давай, я возьму кредит и отдам эти деньги пасынку? А ты, мама, не будешь таскаться по судам и тратить свои нервы и здоровье?

О, что тут поднялось... Мать возмутилась – как Евгений мог предложить ей такое? Инесса Викторовна была настроена на битву. К тому времени уже многие из известных людей находились на ее стороне, все возмущались скопидомством пасынка, посмеявшимся наехать на несчастную престарелую вдову... Вариться в том котле из судов, сплетен, бесконечных разговоров, пафосных душераздирающих криков матери было гораздо интереснее, чем сдаться.

Инесса Викторовна отказалась от предложения Евгения.

...Звонок в дверь.

– Звонят, что ли, у тебя? – встрепелась мать. Слух у нее до сих пор был прекрасный.

– Да. Возможно, электрик. У нас то и дело пробки вылетают в последнее время, – melancholically произнес Евгений.

– О-о... Это серьезно. Ну, не буду тебя отвлекать. Ты, главное, по пятам ходи за этим электриком, и если что – жалуйся в управу!

Мать бросила трубку.

Но это был не электрик. На пороге стоял сосед из квартиры напротив – Арсений, мужчина лет сорока пяти, высокий, худой. На его изможденном лице навсегда застыло странное выражение – смесь умиления, тоски и доброжелательности. Словом, взгляд, как у брошенного пса. Жил Арсений один и, судя по всему, сам страдал от своего одиночества, потому что при любом удобном поводе старался заглянуть к Лазаревым.

Хотя сосед – не пенсионер еще, не безработный, не бездельник неприкаянный, а главный бухгалтер на предприятии средней руки... В общем, человек достаточно обеспеченный, очень положительный. Даже странно, что при всеобщем мужском дефиците никто из женщин до сих пор на него не покусился...

– Привет, Женя, не помешал? – стесняясь, спросил Арсений.

– Ну как сказать... А что случилось?

– Я вот один агрегат купил себе для кухни... А как понять его, не знаю. Нет, там инструкция в комплекте, и сборник рецептов, и в Интернете я тоже информацию посмотрел... Но я хотел бы реальных рекомендаций, а не теоретических. Ирочка дома? Наверное, Ирочка могла бы мне помочь...

– Она вечером будет, после восьми. Я ей скажу, что ты заходил.

– Спасибо! – Арсений сглотнул, и кадык на его худой шее заходил вверх-вниз. – Ты сам не представляешь, Женька, какой ты счастливчик...

Евгений представлял. Вернее, подозревал, что Арсений давно и тайно влюблен в Иру.

Но ревновать жену к соседу Евгений не мог. Вот не мог, и все тут. Потому что Арсений никогда не вызывал у Иры теплых чувств, скорее жалость и досаду – когда допекал своими визитами. Да и в Ире Евгений был стопроцентно уверен. Она серьезная женщина, не из тех, кто заводит романы на стороне.

Евгений не без труда, но тем не менее стараясь сохранять учтивость, выпроводил соседа из квартиры. «Это невозможно... Вот как в таких условиях работать?!»

Набрал номер, ставший уже знакомым.

– Лиля? Добрый день! Давайте завтра утром встретимся. Обсудим сценарий, но не по телефону. Меня тут дергают целый день... Пишу-то я ночью, тогда все нормально, но утром черт знает что творится... Как?

– Я – «за», – быстро ответила Лиля. – При личной встрече дело всегда быстрее идет. Знаете, даже лучше, чем по скайпу, например... Скиньте мне на электронку, что написали, и я вам свои заметки тоже пришлю. Прочитаем, обсудим.

– Отлично. Да, и вот еще что... Давайте на «ты», если можно.

* * *

Они договорились встретиться утром в кафе, неподалеку от метро «Ленинский проспект».

Когда Лиля собиралась на встречу, за окном вовсю сияло утреннее солнце, а там, вдали, на горизонте, где дома сливались с небом, дрожала серо-голубая дымка, какая обычно бывает только летом, в жару...

Словом, грядущий день обещал чудесную погоду, и это после первых противных, слякотных и холодных дней сентября!

Лиля думала не о сценарии, не о Евгении, а о том, как прекрасно сейчас там, на улицах города. И о том, как удачно, что нашелся повод выйти из дома.

Она надела недавно купленный костюм – юбка до колен и плотный пиджак с баской по талии – песочно-коричневого цвета, с оттенком оранжевого. Цвет пустыни, как она его называла. На руку плащ можно будет накинуть, на всякий случай.

И помаду выбрала морковного оттенка...

Волосы на концах подвила щипцами, и вся такая осенняя, в тон желтеющей листве, покинула дом. По привычке поймала такси, но через пару кварталов – обычная история, пробка. Опять пришлось добираться до места встречи на метро.

Выходя на улицу, заметила Евгения – он двигался впереди. Высокий, худощавый, немного косолапил при ходьбе. В джинсах, короткой ветровке белого цвета... Сзади, со спины, он показался Лиле чуть не подростком-переростком. Он ли? Нет, вот повернул голову, виден профиль с длинным носом.

– Жень!

– О, Лиля! – он быстро обернулся. – Добрый день.

– Добрый. Послушайте, Жень...

– Мы на «ты», – напомнил он.

– А, да, точно. Послушай, погода чудесная, совершенно не хочется в помещение. Давай пройдемся, на ходу все обсудим. Это ведь нетрудно? – выпалила Лиля.

– Да, конечно, – легко согласился Евгений.

– Тогда сразу к делу... Я пока с трудом представляю, как лучше познакомить наших героев... Паша едет на машине по Москве и случайно сбивает на переходе Машу, которая, вся такая рассеянная, пытается пересечь улицу на красный свет. Слегка сбивает, не до смерти, – хихикнула Лиля.

– Не слишком ли это... как бы сказать... – слегка поморщившись, пошевелил пальцами Евгений.

– Банально?

– Да, пожалуй. И потом, честно говоря, я не представляю, как водитель может влюбиться в женщину, нарушающую правила дорожного движения. Он должен быть в бешенстве! Ну, разумеется, если женщина – не королева его грез, прекрасная и восхитительная... А наша Маша, как мы договорились, – не первой молодости девица, да еще с лишним весом. Нет-нет, я не считаю лишний вес уродством, я о том, что Маша – не из тех, в кого можно влюбиться с первого взгляда.

– Н-да, задачка... – согласилась Лиля. Они с Евгением спустились в подземный переход. – А если Паша обедает в ресторане? У него бизнес-ланч... И официантка – наша Маша.

Она приносит горячий кофе и случайно проливает его на колени Павлу. Тот в бешенстве! А от любви до ненависти один шаг, как известно...

– Мне этот вариант тоже не очень нравится.

– Господи, тебе ничего не нравится! – не выдержала, взорвалась Лиля. – Ну так же нельзя!

И то не так, и это не то...

– Лиля, пойми, твои варианты хороши для обычного сериала, а мы пытаемся придумать красивую, необыкновенную историю! Комедию, музыкальную мелодраму!

– Ладно... Ладно, – уже спокойным голосом, но тем не менее продолжая злиться, пробормотала Лиля. – Ты прав. Мы должны отказаться от штампов.

Они вышли из подземного перехода и оказались на территории Нескучного сада.

– Как хорошо здесь... – вздохнул Евгений. – Спасибо, что вытащила меня сюда. Сто лет здесь не был. Я настаиваю на том, что знакомство наших героев – случайное... Их свела Москва.

– Да, должен присутствовать Его Величество Случай. Они могут встретиться в парке, вот здесь, например, в Нескучном саду, или столкнуться в метро, на выставке...

– погоди! В прошлый раз мы говорили о матери Маши, которая мечтает выдать свою дочку замуж. Мать надо задействовать в сюжете. Если именно мать знакомит Машу с Пашей?

– Гм... – Лиля задумалась. Они с Евгением пересекли площадку с фонтанами и машинально, не сговариваясь, не замечая ничего вокруг, протиснулись сквозь проход в кустах. И очутились перед знаменитыми оврагами Нескучного сада, которые, изгибаясь причудливыми волнами, шли то вверх, то вниз.

А где-то впереди, за начинающей желтеть листвой, сверкала поверхность Москвы-реки. Вдали гудел теплотход, играла музыка, раздавался отдаленный, полный безудержной радости, почти безумный чей-то молодой смех.

– Это сказка... – прошептала Лиля, забыв, о чем она только что говорила. – Ведь ничего необычного нет. Лес, река... Откуда же тогда такое ощущение счастья? Как хорошо, как хорошо... – Она невольно захлопала в ладоши, затем прижала руки к груди, замерла.

– Солнце светит. Вот и ощущение счастья. Представь тот же самый пейзаж, но с облетевшей листвой, хмурым небом, ты не хлопала бы сейчас в ладоши, точно девочка.

– Ты злой, Лазарев, – фыркнула Лиля. «Надо же, мы уже фамиллярничаем, точно знакомы сто лет...» – невольно подумала она. – Зачем напоминать женщине о ее возрасте?

– О, прости, прости! – Евгений вдруг так перепугался, расстроился всерьез, что Лиля его тут же и простила.

Улыбнулась и пошла вниз, по тропинке, усыпанной уже начинающей опадать листвой.

– Мать знакомит Машу с потенциальными женихами. Например, с сыновьями ее подруг, – тихо произнесла Лиля.

– И они всё не то, – продолжил Евгений. – Если это комедия, то нам есть где развернуться. Пусть будут женихи – смешные и ужасные, да!

– Удивительная банальщина! – с восхищением произнесла Лиля.

– Я знал, что ты оценишь.

– О, а как Герману понравится этот поворот с женихами!

Они шли и болтали, придумывая подробности того, как мать пыталась сосватать Машу, шутя и смеясь. Опять возникло то удивительное чувство полного взаимопонимания, ощущение, что они на одной волне.

– погоди... А кто они, наши герои? Они не могут быть вне профессии, например... Мы про них должны знать все – ну, хотя бы потому, что нам придется описывать их реакцию на те или иные события, – вдруг спохватилась Лиля. – Почему Маша хочет жить одна? Значит, у нее интересная жизнь, ей вполне хватает впечатлений от своей работы... Кто она?

– Учительница, – подсказал Евгений. – Вся в чужих детях, своих ей не надо.

– Прекрасная профессия. Только... с чего ей вдруг потом семья и дети понадобятся?

– Она влюбится. А значит, станет другой, поменяются все ее жизненные ценности. Хотя... У меня отчим был композитором. Весь в музыке, не от мира сего. Если нашего Пашу тоже сделать композитором? Музыкантом? И, опять же, эта профессия ляжет в концепцию фильма – он как раз музыкальный!

– А почему Паша музыкант? Какой-то сексизм... – язвительно возразила Лиля. – Типа, женщина только училкой быть способна, а к творчеству ей лучше не приближаться.

– Ладно-ладно, не бузи! Давай Машу сделаем музыкантшей! – примирительно произнес Евгений.

– Скрипачкой. Нет, пианисткой! – с наслаждением произнесла Лиля. – Меня в детстве пытались учить игре на пианино. И это притом что у меня даже слух отсутствовал!

– Совсем?

– Совсем-совсем! Мне не медведь на ухо наступил, а целый слон!

Евгений усмехнулся.

К этому моменту они уже очутились внизу, на асфальтированной дороге – тут катались взад-вперед велосипедисты, роллеры...

– Пойдем на набережную, там спокойнее, – Евгений взял Лилю за руку, помог спуститься по каменным ступеням, хотя Лиля в помощи не нуждалась. Вот зачем он ее за руку взял? Это же мешает, это лишнее, сбивает...

На набережной, под прямыми лучами солнца, было даже жарко, как летом. Тепло шло от нагретого асфальта. Плескалась о гранитный берег вода, бодро проплывали экскурсионные теплоходы, набитые под завязку людьми.

Лиля с Евгением побрели в сторону Парка имени Горького.

– Ты не устала?

– Нет. Да тут и сесть-то негде... Все скамейки заняты.

«Зачем он спрашивает, не устала ли я? Это ведь тоже лишнее... Он не должен относиться ко мне как к женщине. Не должен спрашивать – не устала ли я, не голодна ли... Не должен подавать мне руку, не должен платить за меня!»

Кусая губы, Лиля искоса поглядывала на своего спутника. Он шел рядом – высокий, на голову выше нее (и это притом что сама Лиля была не маленького роста), тощий... Хотя нет, не тощий. Тонкий. И, несмотря на небольшую косолапость, изящный.

Это и его одежды касалось. Ведь, несмотря на то что Евгений был одет, как сейчас принято говорить, в стиле casual, он все равно выглядел аристократично. Да, артистично-аристократично.

Лиля, сколько себя помнила, никогда не испытывала влечения к людям, вернее, к мужчинам творческих профессий, поскольку навидалась их уже, этих творческих личностей. И пьют безбожно, а то и чем похуже занимаются, и снедаемы изнутри тщеславием, и злы на язык (конечно, не на публике, а в личных беседах), и сплетни любят, и заносчивы... А которые все из себя правильные – так еще хуже: не мужчины, а маски, под которые и заглянуть страшно. То ли демоны под ними прячутся, то ли вовсе там, под маской, – пустота...

Евгений же пусть он и из мира творчества, но – *другой*. В нем были открытость и простота. И та загадочность, которая не пугает, а манит.

Теперь понятно, почему Вера отзывалась столь благосклонно о своем бывшем однокурснике. Евгений, если подбирать к нему эпитет, был хороший.

Да, именно это простое слово могло быть применено к нему, оно одно, и никакое другое. Хороший. Очень хороший... С ним приятно. Лиля столько раз повторяла это слово – «хороший», что сама поверила в это.

– Почему ты меня так пристально разглядываешь? – вдруг спросил он, улыбаясь уголками губ.

– Мне кажется, у нас с тобой получится работать, – честно призналась Лиля. – Просто ты мне в первый момент ужасно не понравился.

– А если я скажу, что ты тоже мне не понравилась, как к этому отнесешься?

– Я обижусь, как еще! – возмутилась она.

– Ну так вот, ты мне ужасно не понравилась! – злорадно произнес Евгений и вдруг взял ее руку. Поднес к губам, поцеловал. И обидел, и попросил прощения в один момент. И немного больно, и приятно. И все это – их разговоры, их подколки – это игра. В которую безумно интересно играть...

– Гад какой... Не понравилась я ему, видите ли! – буркнула Лиля, вырвав руку. Потом не выдержала, улыбнулась: – Лучше скажи, Паше мы какую профессию придумаем? Кто он?

– Технар? Мне представляется, что он человек, далекий от искусства и высших сфер, твердо стоит на ногах, любит радости жизни, девушек, обременять себя браком не намерен. Среднестатистический молодой москвич, словом. А по сути – полная противоположность Маши. То есть зритель с самого начала должен понять, что наши герои, он и она, – разные люди. И вся интрига будет заключаться в том, как они умудрятся влюбиться друг в друга!

Лиля кивнула. Потом добавила:

– А давай сделаем его нищим студентом. Совершенно некотирующимся пока. Он, например, студент архитектурного института. Еще никто, ноль без палочки, но внимательный зритель поймет: о, из этого парня получится блестящий специалист, да он перспективный жених!

– Гм. Что ж, пусть будет студент архитектурного, – согласился Евгений. – Чуть моложе Маши... – И подытожил: – То есть изначально она ему неинтересна, эта старая дева, синий чулок.

Скоро Евгений и Лиля оказались возле стеклянного пешеходного моста, того, что находится непосредственно перед Парком имени Горького. Летние кафе были еще открыты. Слева, снизу, у самой реки, на деревянной веранде играла музыка и танцевали пары. Прохожие, те, что шли по набережной, могли сверху любоваться танцующими.

Евгений и Лиля остановились у парапета, тоже поглазеть.

– Надо с женой будет сюда сходить, – вдруг сказал Евгений. – Она великолепно танцует. И latinoамериканское танго, и этот, ирландский танец... Меня немного научила.

– Везет, – вздохнула Лиля. – А я не умею. У меня нет слуха, я тебе уже говорила. Я – неуклюжая неумеха.

– Зачем ты так о себе?..

– А что? Я не боюсь правды, – засмеялась Лиля. – Да, я такая, но я все равно себя нежно люблю и ничуть не страдаю от отсутствия некоторых талантов. Гораздо хуже быть надутым индюком, при этом ничего из себя не представляя... Идем дальше!

Почему-то упоминание о жене немного задело Лилю. Да, она знала, что у Евгения есть жена, и, судя по сведениям, весьма прелестная женщина, но все равно как-то неприятно.

...В самом парке, несмотря на будний день, все аллеи были забиты отдыхающими. Парочки, мамы с колясками. Катались на скейтах подростки, тут же – велосипедисты и роллеры. Пешеходы толкали друг друга, отскакивая от проезжающих, да и сами катающиеся то и дело тормозили из-за попадающихся им на пути пешеходов, поскольку некоторые пешеходы никак не могли взять в толк, что двигаться надо по специально выделенным дорожкам. К тому же маленькие дети, не желая идти за руку с родителями (а что это за прогулка, если все время на привязи тащиться?), бегали весьма хаотично, выскакивая под колеса роллерам и велосипедистам, не давая тем разогнаться. Сплошное мучение для обеих сторон!

Но в целом парк с его фонтанами, цветами, разнообразными садовыми конструкциями, летними кафе выглядел чудесно. Вся Москва рвалась сюда, в этот парк-мечту, парк-ностальгию, и единственным минусом было то, что сама «мечта» ну никак не могла вместить в себя всех желающих прикоснуться к ней.

Лиля на мгновение зазевалась, обернулась, а в опасной близости от нее уже находился велосипедист – тощий, немолодой, с унылой физиономией дядька. Длинные руки, которыми он держал вихляющий в разные стороны руль, дрожали, локти «врастопырку»...

Евгений едва успел перехватить руль, иначе бы этот дядька непременно врезался бы в Лилю.

– Ой... – только и успела сказать она.

Евгений держал руль, а дядька, опустив ноги с педалей на землю, изумленно таращился на спутника Лили.

– Женька? – спросил он наконец.

– Арсений?

Оказывается, эти двое знакомы.

– У меня сегодня выходной, вот, решил отдохнуть... – Арсений теперь с любопытством таращился на Лилю. – Прошу прощения...

– Ничего страшного, – засмеялась молодая женщина.

– Арсений, ты поосторожнее! – добродушно сказал Евгений. – Зачем же людей-то давить...

– Вы отдыхаете тоже? А где Ирочка, где Ленечка? – спросил Арсений.

– Нет, я без них сегодня. Но ты не поверишь, я не отдыхаю, я работаю. Это моя коллега, Лиля. Лиля, это мой сосед, Арсений. Мы с Лилей сценарий фильма придумываем...

– Хорошая у вас работенка... – пробормотал дядька, улыбаясь неискренне.

– Ну давай, бывай.

Лиля с Евгением направились по аллее в глубь парка, Арсений же покатил дальше, в сторону Нескучного.

– Чехова вдруг вспомнила, – хихикнула Лиля. – Помнишь, у него в одном рассказе речь идет о некоем мужчине, который «выражение лица имел душеспасительное»?

– Точно... А я все не мог подобрать эпитета. У Арсения и вправду выражение лица «душеспасительное». Он хороший мужик, добрый. Чудноватый, да... Наверное, теперь бог знает что обо мне думает. Я в парке, без семьи, гуляю с хорошенькой блондинкой... В то, что мы с тобой работаем над сценарием, Арсений, похоже, не поверил!

– А вдруг он и расскажет твоей жене именно это – что видел тебя гуляющим в парке с какой-то блондинкой... со мной то есть? Твоя жена ревнива?

– Нет. Она в курсе, где я и что делаю. Она и про тебя, и про мою работу знает. Удивительно другое, – всплеснул руками Евгений. – Ну это надо же... Москва – такой огромный город, а вот встретились с соседом, столкнулись с ним лоб в лоб буквально!

– Ты переживаешь? Тебе все равно неловко из-за того, что этот душеспасительный Арсений мог о тебе подумать?

– Нет, нет! Я просто удивляюсь. Столкнуться со знакомым в Москве... А ты устала, – вдруг встрепенулся он. – Я вижу, ты еле идешь. Давай посидим где-нибудь.

Лиля возражать не стала. В самом деле, они уже столько прошли!

... Пока пили горячий кофе на берегу пруда, по которому отдыхающие катались на катамаранах, поговорили немного о сценарии, потом болтали просто так.

Евгений нравился Лиле чем дальше, тем сильнее. Еще ни с кем она не чувствовала такой духовной близости, полного взаимопонимания. Она говорила «а», он – «б».

– А почему тебя Чашин назвал в нашу первую встречу «Лили Марлен»? – поинтересовался Женья.

– Ты не знаешь «Лили Марлен»?

– Смутно. Это кино, что ли? Режиссера Фассбиндера...

– Да, есть такой фильм, тысяча девятьсот восемьдесят первого года, про певичку кабаре. Но изначально «Лили Марлен» – это песня времен Первой мировой войны. Там рассказыва-

ется о девушке, которая встречается с солдатом. У них свидания под фонарем. Он уходит на фронт и клянется никогда ее не забывать. Что-то такое немецкое, ужасно сентиментальное... – пояснила Лиля. – А так, конечно, просто привязка к имени. Раз я Лиля, можно в Лили Марлен переделать. Тебя он, кстати, как-то за глаза назвал «наш Онегин».

– Лиля, ты и вправду не способна держать язык за зубами, все секреты готова выболтать! Ты опасная женщина, – засмеялся Евгений.

Кажется, она тоже ему нравилась – смотрел ласково, улыбался. От него шло тепло.

Хороший, очень хороший! – в восторге билось Лилино сердце. Но почему в восторге? А потому что мало нынче хороших, умных, интересных людей, которыми хочется восхищаться.

...Отдохнув, Лиля с Евгением отправились дальше, по набережной Москвы-реки, вдоль которой тянулась пешеходная зона, казалось, бесконечная – гулять и гулять еще, вместе с толпой других празднующихся, то и дело уворачиваясь от велосипедистов...

По дороге придумали, что у Паши должна быть невеста. Стриптизерша по профессии. Да, а что, ситуацию знакомства надо максимально усложнить!

Ведь ничего удивительного в том, что знакомятся два одиноких человека, нет. Познакомились, поженились, живут в счастье, радуются. Это прекрасная история для жизни, но никак не сюжет фильма. Потому что, глядя на экран, зритель должен волноваться за героев – ну как они, такие разные Он и Она, могут сойтись, полюбить друг друга? Нет, это невозможно! Или – возможно?.. И задача сценариста – максимально удивить зрителя.

Лиля с Павлом, в разговорах о своих героях наконец добрались до метро «Полянка» и там расстались.

Далее Лиля отправилась домой. Встретила дочь после школы, хотела в кои-то веки приготовить ужин к приходу мужа, Сергея, но тут коршуном налетела Раиса Петровна, и между женщинами завязался спор о том, что лучше – котлеты или салат...

Лиля всерьез собиралась выиграть спор (она была за салат, на ночь не стоит есть тяжелую пищу), но тут позвонила Вера с воплем: «Лилька, ты должна меня выслушать, это катастрофа!» – и Лиля сдала свои позиции. Котлеты так котлеты.

У подруги действительно разразилась катастрофа, как поняла Лиля из телефонного разговора.

Дело в том, что Вера обнаружила в телефоне Распопова, своего мужа, эсэмэски подозрительного содержания.

– Лиля, мы должны встретиться! – рыдала подруга. – У меня, кроме тебя, никого нет... И поговорить не с кем! Алешка не считается, я его своими проблемами не хочу грузить...

Алеша, сын Веры от первого брака, уже довольно взрослый молодой человек, жил отдельно от матери.

Пришлось Лиле ехать. Там – слезы, рыдания, жаркие монологи Веры – подробное изложение их с Распоповым семейной жизни, в последнее время полной внезапных исчезновений, тайн и недоговоренностей. И вот сегодня все тайны раскрылись – у мужа Веры есть другая женщина.

– Я его спрашиваю: Распопов, у тебя это серьезно? А он мне: я не знаю. Ну как это «не знаю»!

Автор популярных романов на БДСМ-тему, работающая под псевдонимом «Ганна Борн», не находила себе места от отчаяния.

Лиля утешала ее, пыталась настроить на деловой лад («Да ты не руби сплеча, понаблюдай за ситуацией – может, он сам бросит любовницу!»), но ничего не помогало.

Пожалуй, единственный выход – сидеть рядом с Верой, и слушать ее, и вздыхать в ответ.

Лиля и слушала, не отрывая взгляда от знаменитой родинки Веры. А ведь обычная родинка, нормального цвета, формы, объема... Да, довольно крупная, без пикантности и не столь аккуратная, как у Синди Кроуфорд, например. Но вместе с тем ничуть не напоминающая

те ужасы, о которых обычно рассказывалось в статьях про какую-нибудь меланому. Только вот как отвлекает внимание, как мешает... Может, в очередной раз сказать подруге, чтобы та удалила родинку? Нет, это глупо, Вера считает родинку своей «изюминкой» и ни за что с ней не расстанется... И еще глупее подозревать, что Распопов изменил Вере из-за того, что ему надоело глядеть на эту родинку. Хотя кто знает, жизнь состоит из мелочей, странных совпадений, и даже самый «нормальный» человек может легко заикнуться на какой-нибудь ерунде, если она маячит перед ним с утра до вечера.

А еще, глядя на родинку подруги, Лиля думала о своем муже, о том, как тот, наверное, уже вернулся с работы и опять не нашел жену дома. С Викой она тоже почти не общалась, с родной дочерью. Еще Лиля думала о работе – надо в ближайшее время сдать Чашину готовый синопсис (план будущего сценария), а они с Евгением еще не весь сюжет продумали.

Время, драгоценное время утекало сквозь пальцы, и повернуть его вспять – невозможно. Каждый день – единственный в своем роде, уникальный. И вот он опять потерян.

Но как бросить Веру? Как можно уйти сейчас, бросив на прощание равнодушное, холодное «мне некогда»...

Лиля сидела на диване, напротив рыдающей подруги, и кивала. Да, да... Это ужасно... Да, это кошмар. Второй неудачный брак. Пятнадцать лет семейной жизни (с Распоповым) – тоже коту под хвост... Сорок два года (Вере)! Счастья нет и не будет!

А еще краем сознания Лиля думала о Евгении. Как он говорит, слушает, кивает. Касается ее руки. Улыбается.

Он ведь очень красивый. Тонкий и томный, чуть смуглый, с длинным тонким носом – восточный принц. Абсолютно европеизированный, в котором ничего почти не осталось восточного, даже имя русское, и лишь наметанный глаз угадывает в изгибе его бровей намек на ориентальный орнамент. А еще Евгений – человек, который понимает ее, который и есть отражение ее, Лили.

Он ведь думает так же, как она.

Они смеются одним и тем же шуткам.

Им безумно интересно друг с другом.

Нет-нет, никакая это не любовь, это другое – удивительное совпадение ума и души.

* * *

Весь вечер Евгений провозился с сыном, Ленечкой, – забрал его из сада, потом гулял с ним долго во дворе, кормил ужином... Сыну обожал отца, во всем его слушался и старался подражать в каждом жесте. Лучшим комплиментом от окружающих для Лени было – «ты как папа».

Застенчивый, стеснительный, сын сторонился сверстников, считая время, проведенное с отцом, самым интересным. Они даже ссорились редко. Нет, бывало, конечно, – когда Евгений, пытаясь воспитывать Леню, становился строгим и требовательным. В этих случаях Леня горько рыдал, и таким отчаянием веяло от мальчика, что строгость ломалась на корню.

Стоило только слезам появиться на глазах Лени, как Евгений чувствовал себя негодяем и мгновенно заканчивал «воспитание». Да и зачем оно, если Леня и без того слушался.

С удивлением Евгений наблюдал за отношениями других отцов и сыновей. В чужих семьях дети и родители ссорились, испытывали злость, даже ненависть друг к другу. Нередки были и наказания, унижения, битье, оскорбления со стороны отцов... А сыновья отвечали ненавистью и раздражением.

Как люди могли жить в этом аду и, главное, зачем?

Но с другой стороны, разве лучше то, что Леня совершенно не приспособлен к сегодняшнему миру, не может противостоять грубости и жестокости? Что делать Евгению, как воспитывать сына?..

Около восьми вечера вернулась Ира. Не просто уставшая, а какая-то замученная, с тенями под глазами. Ничего не стала говорить, даже от чая отказалась, легла спать. Евгений решил не дергать ее, не приставать с вопросами. Надо будет – сама потом расскажет.

Остаток вечера мужчина играл с сыном, потом уложил его спать.

– Женья! – вдруг позвала его из спальни Ира. – Ты куда?

– Никуда, – ответил он. – Я за компьютер. Поработать надо.

– погоди... Иди сюда.

Евгений вошел в спальню, закрыл за собой дверь.

Ира лежала под одеялом напряженная, тугая – точно натянутая струна.

– Скорее, – сквозь зубы, едва слышно, произнесла она, протягивая руки. Прелюдий Ира не признавала. Зачем? Когда ее одолевало желание (что бывало нечасто), она превращалась в амазонку. Скачущую наездницу, на бешеной скорости совершающую чудеса джигитовки. Сверху, снизу, сбоку, еще нечто немыслимое, невероятное, напоминающее акробатику.

Ира в свое время какими только видами спорта ни занималась... Танцовщица, знаток йоги, владеющая всеми возможными асанами, гимнастка с великолепной растяжкой.

Но то, что происходило сейчас, перешло все границы. Евгений на какое-то время, зараженный азартом жены, перестал соображать, стал ее партнером в этих диких плясках.

– Быстрее... Еще... Еще... – сквозь зубы, с искаженным лицом, кусая губы, бормотала Ира. Даже страшно за нее стало – разве может это маленькое, почти девчоночье тело выдержать подобные истязания? А вдруг эта нежная кожа изотрется, лопнет, брызнув во все стороны алой кровью?..

– Еще. Так. Быстрее. Сильнее, – отрывисто командовала Ира. Потом закатила глаза, и ее тело забилося в мощных судорогах.

Евгений сполна отхватил и свой кусок удовольствий.

Но потом наслаждение, такое острое вначале, принялось таять, таять, становясь пустотой. Он ужаснулся: что же такое они делали сейчас, изуверство какое-то! Неужели Ире не больно было? Даже неприятно теперь самому. Против воли откуда-то из темноты пришла мысль «всякий зверь после соития печален...».

Открыл глаза – Ира смотрела на свою ладонь. А на ладони – темная полоса. Кровь?

– Ты что? – встревоженно спросил он.

– Все в порядке, – тихо, довольно произнесла Ира. – Наконец-то! Я уж думала, что беременна. Весь день с этой мыслью ходила, с утра мучилась, думала, удавлюсь тогда. Ты меня буквально спас, Женья.

– Чем это я тебя спас?

– Ты знаешь, – отрезала она.

– Ира, если ты думаешь, что эти безумные скачки могут спровоцировать...

– Да ничего я не думаю. Я просто знаю, что мне это помогает всегда, и точка. Считаю меня дикой и необразованной! – Ира чмокнула мужа в лоб и повернулась на бок.

– А как же эти твои... таблетки? – растерянно спросил Евгений.

– Женечка, ты наивный. Стопроцентной защиты нет... Помнишь Лизу Старыгину, работала со мной раньше? Забеременела третьим со спиралью, родила четвертого после перевязки труб... Вот так-то.

Уснула Ира буквально через мгновение после того, как произнесла последние слова.

Евгений еще несколько минут лежал рядом с женой, потом встал и отправился в соседнюю комнату.

Включил компьютер, но почему-то, вместо того чтобы сразу взяться за работу над сценарием, полез в Интернет, набрал в поисковике – «Лили Марлен». И вот он, перед ним, текст старой немецкой песни, да еще в переводе Иосифа Бродского:

Возле казармы, в свете фонаря
Кружатся попарно листья сентября.
Ах, как давно у этих стен
Я сам стоял, стоял и ждал
Тебя, Лили Марлен...

Слова показались Евгению довольно банальными. И весь сюжет песни – каким-то устаревшим, скучным по смыслу. Тебя, Лили Марлен. С тобой, Лили Марлен. Моя Лили Марлен. Меня, Лили Марлен... Их либе дих. То есть «я люблю тебя».

Скучная, пустая немецкая песенка, которая ни уму, ни сердцу, что-то вроде архаичного «ах, мой милый Августин!». И только магия гениального поэта, Бродского, украшала эту простенькую песню.

Кто она, эта Лили Марлен? Румяная крепкая девица с белыми локонами, круглыми коленями, упругими икрами. Пахнущая парным молоком и дешевыми духами.

Кстати, Лилия полностью попадает в этот образ, недаром Чашин ее так и прозвал – Лили Марлен.

Какая она, Лилия Селуянова?

Очень смешливая. Сентиментальная (вон как природу обожает!). Но и бойкая одновременно. Простодушно-циничная, грубоватая – умеет ответить шуткой на шутку.

Выглядит вульгарно. Ну ладно, не вульгарно, а на грани вульгарности – эти завитые белые локоны, оранжевая помада... Костюм какой-то старомодный. Туфли на толстых каблук, которые надоедливо стучат об асфальт...

Довольно-таки крупная. Не полная, нет, но ширококостная. Из тех, про кого говорят «кровь с молоком». Крестьянская порода.

В нее невозможно влюбиться, невозможно потерять из-за нее голову. Интересно, какой у нее муж? Наверное, тоже крупный такой дядька, лысый, с угрюмым взглядом, отличный семьянин. За жену убить может, но на людях чувства не проявляет. Их любовь тоже проста и незатейлива. А может, и затейлива, напоминает эротические сценки из комедийного фильма...

Лилию невозможно сравнить с Ирой. Ира – тонкая, трепетная лань. Лилия – колхозная кобылка.

Но вот чего у Лили не отнимешь – она все же умна. Начитанная, эрудированная. С ней можно работать, вместе сочинять сценарий – Лилия знает свое дело, подхватывает его мысли, легко придумывает свои решения... Она профессионал.

Но влюбиться в нее – нет, невозможно.

Евгений вздохнул, открыл почту.

Письмо от режиссера:

«Дорогой Онегин, нечего тянуть кота за хвост, сроки поджимают. Жду вас с Лилькой завтра у себя, с готовым синопсисом. Ежели синопсиса завтра не будет, я шлю вас в жопу и ищу других сценаристов.

Ваш Герман Чашин».

– Добрый ты наш, а главное – удивительно вежливый... – усмехнулся Евгений.

Тут же написал по электронной почте Лиле, спросил, получила ли она письмо от режиссера. Лилия не спала, тут же отозвалась: да, получила. И переслала Евгению свой вариант синопсиса.

Евгений внес доработки. Лилия с чем-то согласилась, с чем-то – нет.

Так они сидели почти до самого утра, мусоля этот злосчастный синопсис, пересылая друг другу поправки. К рассвету синопсис был готов и выглядел так:

«Москва онлайн. Город как фон, как главный герой сценария. Город как воплощение хаоса.

Маша (25 лет) – пианистка в одном из третьеразрядных оркестров. Мама мечтает выдать дочурку замуж. Женихи – в основном недотепистые сыновья маминых подруг. Маша с содроганием понимает – рано или поздно мама своего добьется...

У Маши последняя надежда – самой найти жениха. Фиктивного, разумеется. Дабы успокоить маму хотя бы на время!

Павел (23 года) – студент-раздолбай, ему нужны деньги. У него есть девушка (красотка-стриптизерша), но он готов помочь Маше за небольшое вознаграждение, изобразив из себя на вечер Машиного жениха...

Маша и Павел после этого вечера расстаются. Маша довольна – теперь мама на некоторое время от нее отстанет. Но большой город преподносит очередной сюрприз – Маша случайно становится свидетельницей преступления. Убийства! Заказчик (а он собирается занять государственный пост) посылает к Маше киллера.

Маша осенней ночью удирает от киллера. После долгой погони девушке удается спрятаться... у Павла. Он советует ей изменить внешность, дабы уйти от преследования.

Маша следует его совету и преображается. То ли ей удастся таким образом похорошеть, то ли Павел узнает ее лучше... Но между ними пробегает искра. Павел теперь помогает Маше уже безвозмездно.

Тем временем киллер снова выходит на след Маши.

Он вот-вот убьет ее. Но Москва – большой город, в котором нет никакого порядка! Пытаясь убить Машу, киллер гибнет сам.

Павел является к Машиной маме, просит руки Маши.

Эпилог: Маша и Павел счастливо живут уже пять лет вместе. Маша сочиняет музыку для кинофильмов. Паша – известный молодой архитектор. У них ребенок, который теперь отвлекает внимание Машиной мамы...

Но в один прекрасный день Машу видит заказчик преступления, ныне крупный госчиновник. Он жаждет уничтожить Машу – ведь она по-прежнему остается свидетельницей.

Но город снова спасает Машу. Даже в хаосе есть свой смысл».

...Невыспавшийся, помятый, Евгений встретился у дома Чашина с Лилей. Та выглядела на удивление прекрасно – свежа как роза, несмотря на бессонную ночь. Белокожа, румяна. Хотя нет, вон припухлости под глазами...

– Пойдем? Я чего-то боюсь... – пожаловалась Лилия. – По-моему, мы напортачили с этим синопсисом.

Евгений пожал плечами.

– Уже поздно что-то менять, – философски произнес он.

Ко времени встречи Чашин уже должен был прочитать синопсис, высланный по электронной почте.

...Надо заметить, что квартира у режиссера Германа Чашина находилась неподалеку от Берсеневской набережной, в новом, но аккуратно подделанном под старину, очень хорошем доме.

Дверь им открыла домработница.

...Огромные комнаты, современный интерьер. Все неброско, якобы простенько – без блеска и позолоты, но основательно и удобно.

Навстречу гостям выскочили двое детей Чашина – мальчишка лет двенадцати и девочка лет пяти. Очень милые дети, как машинально заметил Евгений. Он, сам отец, всегда обращал внимание на взаимоотношения родителей и детей. Сравнивал, анализировал.

Так вот, лица у отпрысков известного режиссера – открытые и дружелюбные, поведение – естественное и свободное. Дети поздоровались, поболтали с гостями. Лиля, которая хорошо знала эту семью, и вовсе бросилась обниматься с дочкой Чашина, сюсюкала с ней...

И мальчик, и девочка выглядели счастливыми, долюбленными. А значит, Чашин являлся хорошим отцом, даром что считался «плохишом» на публике.

Потом выглянула и жена Германа Чашина, приветливо поздоровалась с Евгением, ласково, словно с подругой, перебралась парой фраз с Лилей.

Эля вообще какое-то чудо. Молоденькая. Именно что молоденькая на вид (это, несмотря на то что за тридцать ей уже перевалило давно), пухленькая, златокудрая, прелестная... Она напоминала мадонн с картин старинных мастеров. На данный момент Эля была беременна третьим ребенком. Она вся светилась от счастья, глаза ее излучали любовь, покой, безмятежность.

Евгений был потрясен, поскольку до этого момента не сталкивался со «святым семейством» Чашина...

И тут появился сам режиссер – хмурый, невыспавшийся, словно тоже провел бессонную ночь. Позвал Лилю с Евгением в кабинет.

А далее произошло вот что.

Чашин плотно закрыл за собой дверь, кивнул на кожаный диван, сам уселся за огромный стол красного дерева.

– Это что за дрянь вы мне прислали? – с отвращением произнес он, подняв кончиками пальцев лист бумаги формата А4. Вероятно, распечатку сценария...

– Герман, мы все перделаем, – быстро сказала Лилия.

– Что? Перделаем? Да тут нечего переделывать, тут каждое слово – бред бредовый... Какой киллер, какой студент-раздолбай, какая пианистка... Это не сюжет, а параша! О, я всякой бредятины за свою жизнь начитался, но такого... Это же мелодрама! Не криминальный боевик! Какой киллер, блин?! Какие стриптизерши?! Жека, но от тебя я не ожидал, ладно, эта профурсетка сериальная привыкла бред лепить...

Евгений встрепнулся, подался вперед, но Лилия осторожно положила ладонь ему на руку – молчи, мол.

Чашин орал долго и надрывно, поливая чуть не матом творение сценаристов. Потом успокоился, замолчал. И произнес совершенно спокойно, словно и не орал до того:

– Ладно, объясните мне теперь толком, откуда у вас киллер вдруг взялся?

Евгений объяснил. Киллер – персонаж комедийный, разумеется, они с Лилей помнили, что пишут мелодраму, а не боевик. Но в сценарии должны быть характерные для Москвы персонажи и реалии – и наемный убийца, и стриптизерша, и полиция будет, и метро, в которое не втиснуться, и коррумпированный чиновник, и приезжие из ближнего зарубежья, коими полна столица... Словом, не город, а вавилон.

Чашин слушал, морщился. Потом сказал:

– Черт с вами. Оставляем пока как есть. Если что, потом править будем. Хуже, что время нас, братцы, поджимает...

– Герман, сюжет готов, осталось только написать все! – взволнованно произнесла Лилия.

– У нас две недели. Может, первый вариант сразу примут, может, нет. Не мне решать. Но чтобы через две недели готовый сценарий лежал на столе!

Евгений переглянулся с Лилей.

– Справимся, – шепотом сказала она.

– Отлично! – с отвращением буркнул Чашин. – Садитесь задница к заднице и без перерыва на обед – пишите. Все, точка. Теперь валите, мне некогда, я сейчас к продюсеру еду.

Евгений с Лилей поднялись с дивана.

– Стоп! Вы как работать собираетесь? У кого? У тебя или у тебя? – остановил их режиссер.

– Н-н-нет, пока не решили... – неуверенно произнесла Лиля.

– Блин. Короче! У меня знакомый есть, заведующий домом отдыха под Москвой... Километров тридцать, недалеко. Бюджетный вариант, да еще сейчас не сезон, дешевле будет. В общем, копейки, потянете. Снимаете номер и пашете там от зари до зари. И тихо, отвлекать никто не будет. Как?

– Я – «за», – быстро сказала Лиля. – Хороший вариант.

Евгений подумал об Ире, о сыне. Что ж, две недели в разлуке с семьей – не такая уж катастрофа... И в самом деле, там, за городом, в доме отдыха, его никто не будет дергать. И телефон можно отключить.

Мать, конечно, станет искать, но Ира справится, отобьет.

Ира тоже не будет против. Она же знает, что все это ради нее, ради сына. Им ведь нужны деньги – на частную школу...

– Я тоже «за», – сказал Евгений.

* * *

После безоблачного, теплого, золотого бабьего лета наступила пора дождей.

Как-то резко – в тот же день, когда Лилия с Евгением отправились в дом отдыха под Москвой.

В первый раз Лилия видела Евгения за рулем. Тот вел машину (иномарка среднего класса) медленно, но уверенно, объезжая каждую колдобину на асфальте.

– Почему ты в городе не едешь? – спросила она.

– А куда? И смысл... – неохотно отозвался Евгений. – Все равно одни пробки, быстрее на метро. В основном с Ирой на машине ездим в гипермаркет, по выходным.

– Ненавижу эти гипермаркеты. Ненавижу строительные рынки. Ненавижу толпы людей с тележками. Ненавижу эти забитые машинами подземные парковки... – с чувством произнесла Лилия.

– Милая моя, а как быть? Такова жизнь. Надо есть, пить, делать ремонт, покупать мебель. Мы же не воздухом питаемся, не в безвоздушном пространстве живем, – рассудительно произнес Евгений.

– Ты зануда, – покачала головой Лилия. – Вот посмотри, как ты машину ведешь... Ты во всем, во всем зануда.

– Да. Я зануда.

– И перфекционист.

– И перфекционист, – спокойно согласился он. – А ты типичная женщина-истеричка, с вечным пмс.

– Что-о?!

Они разругались. Они и до того пару раз успели поругаться, правда по телефону или обмениваясь письмами в Интернете. Начинали на пустом месте, говорили злые слова, потом вдруг затихали и приходили к полному согласию и чуть ли не целовали друг друга заочно.

Теперь подобное происходило в реальности.

– И как ты будешь писать о том, что ненавидишь? – поинтересовался Евгений

– Да, я буду об этом писать – именно потому, что ненавижу эти твои гипермаркеты и толпы народа... Боже, боже, как я ненавижу Москву! – страстно произнесла Лилия. – Смотри на дорогу!

– Не указывай мне... Ты мне не жена.

– О, если бы я была твоей женой, я бы тебя убила.

– А если бы я был твоим мужем... Слушай, Лили Марлен, а это ты предложила ввести в сценарий рабочего-таджика? – неожиданно переключился Евгений.

– Может. Не помню. Я, а может, ты. Но Герман одобрил.

– Но что у нас будет делать этот таджик?

– Без понятия. Слушай, а может, сделаем его сквозным персонажем?

Они болтали уже о сценарии, забыв о том, что только что ругались.

...Дом отдыха находился в красивом месте. Огромная территория – почти как лес.

Когда Лиля с Евгением оформлялись с заселением, за окнами уже вовсю шел не дождь даже, а ливень.

Два одноместных номера рядом.

– Сейчас начнем? – спросил Евгений, едва получив ключ.

– А обедать?! – возмутилась Лилия. – У меня на голодный желудок мысль не идет!

– Ну, если ты желудком думаешь... – подколот ее Евгений.

Они встретились внизу, в просторной столовой, почти пустой – не сезон уже, большинство отдыхающих разъехались.

Дождь бьет в стекла, делая пейзаж за огромным окном размытым, неясным – вот где-то вдали угадываются контуры деревьев, какая-то беседка...

Принесли обед.

– Тебя муж как отпустил?

– Нормально. Он привык. Помню, я один раз над сериалом работала, вот был завал... Но мы тогда на студии ночевали, в какой-то каморке. Пять человек сценаристов. Весело! Холод, правда, жуткий...

– М-да-а...

– А тебя жена как отпустила? – с любопытством спросила Лилия.

– Нормально, – коротко ответил Евгений.

Лилия засмотрелась на своего спутника – как он жует, как подносит вилку ко рту... До этого момента она почти не думала о том, что будет, когда они с Евгением останутся вдвоем. В замкнутом пространстве. На долгие две недели. Нос к носу.

Нет, конечно, ничего не будет (в этом самом, эротическом смысле), но просто...

– Ты же говорила, что голодная. А сама не ешь! Ну-ка... – Он зачерпнул ложкой суп, поднес ее к Лилиному рту.

– Женька!

– Жуй-жуй, глотай...

– Женька, а если я... – Она тоже выхватила у него ложку, принялась в шутку кормить уже его. Смеялись, дурачились – ровно до тех пор, пока проходящая почтенная дама с улыбкой не обронила, что приятно глядеть на столь милую пару.

Пару?!

Лилия почувствовала, как краснеет, села ровно. С каменным выражением на лице поднесла стакан с компотом к губам, стараясь, отчаянно стараясь, чтобы рука при этом не дрожала.

Евгений же никак не проявил своего смущения. Невозмутимо продолжил есть и пить.

А Лилия в этот момент подумала о том, что им придется вернуться в номер, ее или его, и там, нос к носу, сидеть часы подряд.

И никто их не побеспокоит, и не разлучит, позвав домой. Они будут только вдвоем, и в принципе, если вдруг вздумают *переступить черту* (так Лилия для себя отстраненно обозначила любовную связь со своим коллегой), никто не помешает. Не остановит. Не узнает – при условии, если они оба будут держать язык за зубами...

Они с Евгением могут это сделать. Легко.

Интересно, Евгений изменял когда-нибудь своей жене? Да, скорее всего, ведь у мужчин это происходит проще. Или нет... Редко, но бывает, когда мужчина – такой вот цельный, не способный к предательству. А Евгений выглядит именно цельной личностью. Ради быстрых удовольствий на стороне он не способен предать семью. Он может влюбиться, наверное, тогда,

да, изменит, пожалуй. Но это тоже вряд ли. Он ведь педант, зануда, он просто не позволит себе потерять голову. При первых приступах влюбленности возьмет и хладнокровно, стараясь не обращать внимания на реки крови, вырвет ненужную привязанность из сердца и отбросит прочь. И пойдет дальше с зияющей раной в груди, улыбаясь иронично и делая вид, будто никакой раны нет.

Поэтому лучше не думать о Евгении в этом ключе, надо забыть о том, что он мужчина. Он – просто коллега. Друг. Приятель.

«Мама дорогая, о чем я думаю? Зачем? Чур меня...» – испугалась Лиля, потерянно разглядывая содержимое своей тарелки.

Совість мучила ее – за подобные мысли.

Особенно неприятно стало оттого, что муж, Сергей, отпустил ее легко. Ну, не легко, это слишком громко сказано, но – отпустил, понимая, хоть и ругаясь, ворча. Да, такова работа Лили, что приходится полностью погружаться в сценарий, сидеть днями и ночами со своими коллегами, рождая новый сюжет. Сергей уважал Лилу.

И как после всего этого можно предать мужа, как можно растоптать его благородство, уважительность, такт и прочие достоинства... Это какой свиньей и гадиной надо быть!

«Потом, я же не влюблена в Евгения. Нет, нет! Просто временное помрачение. Наваждение. Все это должно скоро пройти. Обычная ситуация – двое в закрытом пространстве. Он и она. Инстинкт – надо размножаться. Но это именно инстинкт, животная похоть. Она ни к чему не приведет. Секс, а потом пустота, отвращение. И мысль, что разрушено все то доброе, хорошее, что строилось годами, ради минутного удовольствия!»

Лили перевела дыхание.

«Кажется, отпустило». – Она подняла глаза на Евгения и спросила:

– И почему женщины так любят сказки?

– То есть?

– Почему они верят в любовь вечную и прекрасную – до самого гроба... В жизни же все иначе! Единицы встречают старость вместе, да и то не потому, что их соединила великая любовь, а потому, что обладают определенными человеческими качествами – терпением, пониманием, умением сдерживать себя. Да и вообще, я думаю, любовь – это не главное в жизни! – неожиданно заключила Лили.

– Совсем не главное, – согласился Евгений. – Мне кажется, любовь придумали. Раньше ее не было. Ну, то есть влечения, нежности и прочего никто не отменял, и древние люди, наверное, испытывали нечто подобное, кратковременное – к своим половым партнерам... Но если брать ситуацию в целом, то человеку раньше не до любви было. Выживать приходилось. Когда испытываешь холод, голод, опасности подстерегают со всех сторон – не до сюси-пуси. Потом – религия, опять же, сдерживала, куча табу и запретов... А культ любви, человеческой любви возник позже. И сейчас он цветет махровым цветом. Потому что все меньше проблем, все больше свободного времени. Цивилизация облегчила нам жизнь, войн и революций нету, чем еще заняться... Единственная страсть, единственное утешение скучающего, сытого, здорового человека – любовь.

– То есть ты не веришь в любовь?

– Нет, – спокойно сказал он. – А бабы – они с жиру бесятся. Чю-уйства им подавай...

– Ты жесток. Но ты прав. Да-да. Только как с таким настроением сочинять сценарий о любви? – улыбнулась Лили.

– Да нормально! Все сочинители мелодрам, писатели, – люди циничные, с холодным сердцем.

– Ты опять прав. Либо любить, либо писать о любви, – согласилась Лили. С каждой минутой ей становилось легче. – Ладно, пойдем, работать надо.

Закончив обед, оба отправились в номер Евгения. Сразу решили, что будут работать там, поскольку окна его номера выходили на кирпичную стену какой-то пристройки. А значит, даже вид из окна не мог отвлекать от работы.

Сели рядом перед ноутбуком, плечом к плечу.

– А давай с таджика-рабочего начнем? – предложила Лиля. – Короткая сцена, вводная, но она сразу дает зрителю представление о том, что Москва – это огромная стройка.

– Может, и концовку с тем же таджиком придумаем? Раз он у нас через весь сюжет проходит...

– Да! Точно, закольцуем все! – с азартом произнесла Лиля. – Пиши: «Панорама Москвы. На последнем этаже строящегося дома рабочий-таджик кладет кирпичи...»

– А героиню когда вводить будем?

– Да это не важно, если надо, переставим сцены! Быстрее, не думай.

– Да как «не думай»? – засмеялся Евгений.

– А вот так, – строго произнесла Лиля. – Ты думаешь рассудком. Слово за словом у тебя идет в мозгу, по прямой линии. А надо писать не мозгом, а интуицией, что ли... То есть не мыслями, а чувствами.

– Послушай, ты серьезно?

– Да, да...

Поворачивая компьютер в разные стороны, Лиля и Евгений печатали на нем – то одна, то другой, пытаясь найти нужный ритм, наиболее удобный способ работы. Проговаривали каждую фразу, каждое слово...

Поначалу было неудобно, они злились, раздражались, но скоро дело пошло, и они уже забыли обо всем, полностью погрузившись в сценарий.

...На ужин чуть не опоздали, потом снова сели за компьютер.

Снова забыв о времени, работали до полуночи, пока Евгений не спохватился и не заявил, что режим дня – это святое, надо набраться сил до завтра.

Лиля согласилась.

Зашла в свой номер, быстро умылась, рухнула в постель. «Вроде бы не пни корчем, а как я устала...» – успела подумать она перед тем, как заснуть.

Следующий день Лиля с Евгением тоже работали, потом третий...

Дождь все это время лил как из ведра, сценаристы даже ни разу не вышли из корпуса, в котором жили. Изредка Лиля звонила домой, мужу, перекидывалась парой фраз с Викусей, передавала приветы Раисе Петровне.

Звонил ли Евгений жене? Лиля не обращала внимания. Или он это делал не при ней...

А на четвертый день случилось вот что. Они собирались писать очень важную сцену – знакомство героев, то, при каких обстоятельствах это произошло. И вот именно в этом вопросе никак не могли сойтись.

Знакомство Маши и Паши, с одной стороны, должно произойти при необычных обстоятельствах, с другой – они все же в первую очередь создают мелодраму, лишь во вторую очередь – комедию. Лиля настаивала на романтической линии, Евгений – на комедийной.

Они спорили, молчали, снова спорили... И никак дело не шло, словно наткнулись на невидимую стену и не могли ее пробить.

Бегали из его номера в ее и обратно. Стояли рядышком на лестнице, вцепившись в перила, и смотрели сквозь стекло на аллеи парка, утопающие в дожде. Поругались. Помирились.

Потом устроили «час тишины», дабы собраться с мыслями. Но не получилось, скорее, наоборот – мысли и вовсе исчезли.

Полужинали там же, в столовой, устроили мозговой шторм. Чуть не убили друг друга, споря в полный голос... Немногочисленные отдыхающие с удивлением косились на них. Опомившись, сценаристы убежали к Евгению в номер.

– Ладно, давай ничего не будем делать, давай завтра с утра, со свежей головой, приступим к работе, – предложил Евгений.

– Хорошо, – сухо сказала Лиля и ушла к себе (ей вдруг показалось, что Евгений ее ненавидит и что она ему надоела до смерти).

Запершись у себя в номере, молодая женщина включила телевизор. Посмотрела новости.

Потом выглянула в окно (из ее окон открывался чудесный вид на парк).

...Уже начинались сумерки, только-только зажглись фонари – блестели мокрые асфальтовые дорожки; мерцая, дрожала на ветру подсвеченная электричеством желтая, прозрачная, уже умирающая листва...

Лиля немедленно натянула на себя резиновые сапоги, достала из чемодана длинный плащ с капюшоном и, не предупредив Евгения, вышла из корпуса. Вернее, она и не собиралась предупредить своего коллегу – она хотела побыть одна.

На большой площадке с клумбой, на которой росли отважные бессмертники, еще бродил народ, совершая вечерний моцион, – с зонтами, в куртках и резиновых сапогах.

Лиля направилась в сторону, подальше от публики, к боковой аллее. Здесь уже не было ни души. Воздух, свежий, но не холодный, приятно дул в лицо. Совсем стемнело, и дождик – о чудо! – почти прекратился. От прежнего ливня осталась легкая, почти невесомая морось, оседающая на ресницах.

Лиля оказалась один на один с ночным парком. Страшно ей не было. А кого бояться? Это не лес – закрытая, охраняемая территория.

Узкая тропинка вела вниз. Цепляясь за деревья, чтобы не поскользнуться, Лиля спустилась и обнаружила, что перед ней – небольшое озеро.

По поверхности плывут опавшие листья, отражение луны идет рябью... Так хорошо. Господи, как тут хорошо!

Лиля села на краешек мокрой скамьи, сложила руки на коленях и замерла. Кажется, она даже забыла моргать, замороженная отражением луны на воде.

Сколько прошло времени, Лиля не знала.

Чьи-то шаги, треск веток.

Темный силуэт на фоне подсвеченной листвы... Евгений.

Быстро, ловко сбежал по скользкому земляному откосу, прыгнул на аллею перед Лилей и сказал:

– Ага, вот ты где!

– Привет, – без всякого энтузиазма отозвалась она. – Да я вот это... голову проветрить решила.

– А я стучу к тебе в дверь – не отвечаешь. Звоню – а твой телефон в номере играет... Либо спишь крепко, либо... Пошел на ресепшен – точно, ты ключи там оставила, значит, усвистала куда-то без телефона. В общем, отправился тебя искать. Еле нашел! В самую чащобу забралась.

Он сел рядом на скамейку – тоже в капюшоне, длинной спортивной куртке. Лиля нагнулась, посмотрела – надо же, и в резиновых сапогах...

– Что? Что ты там рассматриваешь? – весело спросил Евгений.

– Мы как два путешественника, одеты по-походному.

– Тебе не холодно? – Он тыльной стороной ладони прикоснулся к ее щеке, проверяя, точно ребенка, не замерзла ли.

Лиля отклонила голову недовольно:

– Нет.

– А я говорю – холодно. – Евгений встал, потянул Лилю за локоть: – Давай пройдемся. Стой, куда? Ты горная козочка, чтобы по пригоркам лазать? Вон дорожка...

– Там длиннее, крюк придется делать.

– Нет уж, мы никуда не торопимся. Не хватало еще ноги в этих кустах переломать.

– Ты зануда, – злорадно произнесла Лиля, шагая рядом с ним по аллее вдоль озера. – Ты скучный зануда, вот кто ты, Лазарев.

– А ты бестолковая курица. Несешься куда-то не глядя.

– Я – курица?! – до глубины души оскорбилась Лиля. – Ты назвал меня курицей?

– Бестолковой курицей, – поправил он.

– Гад какой... – Она ткнула его локтем в бок. Евгений охнул, засмеялся, отступил в сторону, потом обеими руками взъерошил ей волосы. Лиля размахнулась, хотела стукнуть его ногой, но Евгений успел отскочить, злорадно хохоча.

И Лиля тоже хохотала... «Как дети! Господи, что мы делаем?»

– Слушай, Селуянова, ты не хочешь выпить?

– В смысле?

– Ну, выпить, водки выпить! – конкретизировал Женя.

– Водки?!

– Ладно, не водки, а чего-нибудь другого, чего ты там пьешь. Ты вино пьешь?

– Вино? Пью, – обстоятельно кивнула Лиля. – Шампанское пью. Но еще мартини очень люблю. Ликер... шоколадный. Или лучше клубничный! – оживилась она. – Есть хороший немецкий ликер, там настоящая клубника, между прочим, не какой-то там химический заменитель... Я его называю «ксю-ксю».

– Я так и думал. Мартини и сладкий ликер. Все предсказуемо.

– О, зато ты какой оригинальный со своей водкой!

Они брели по мокрой асфальтовой дорожке вдоль озера. Впереди, у поворота, – одинокий фонарь.

– Стой! – Евгений, державший Лилю под локоть, довольно резко заставил свою спутницу остановиться.

– Иди, стой, иди, стой... Что ты мной командуешь? – возмутилась Лиля и топнула ногой. – Я вот не люблю, когда мной помыкают...

Евгений вдруг взял ее лицо в ладони, поднял вверх, наклонился и поцеловал прямо в губы.

На миг Лиля потеряла сознание. Да-да, буквально потеряла – голова у нее закружилась, молодая женщина пошатнулась, и Евгений едва успел ее подхватить.

– Ты такая неуклюжая... – шепотом произнес он и опять поцеловал.

Это было... Лиля даже слов не могла подобрать, что это было. Она привыкла к тоннам слов, к бесконечным чужим диалогам, которые ей приходилось придумывать, но тут рассудок перестал подчиняться ей, полностью отключился.

Хотела ли она этого? Да, хотела. Вернее, не так – очень хотела и очень боялась. Ждала и не верила. А когда все произошло – испугалась. И ведь как приятно, мама дорогая, как невыносимо это, остро и... еще много чего!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.